

РЕА МАР

22 ГОДА НАЗАД МИР УМЕР.

НО ГИМЛЕОН ВСЕ ЕЩЕ НАЗЫВАЕТ СЕБЯ **РАЕМ**.

ГИМЛЕОН

— ИНТОКСИКАЦИЯ —

18+

Реа Мар

Гимлеон. Интоксикация

<https://litres.ru/74430538>

SelfPub; 2026

Аннотация

Апокалипсис пережили не самые сильные. Его пережили самые богатые.

Я — Астрид Вендель. И я одна из них.

Когда мир рухнул, Гимлеон стал нашим домом — городом золота и стекла, где достаточно взглянуть на браслет, чтобы понять, кто перед тобой.

Мой — красный. Высший уровень. Я знаю правила этого мира и умею по ним играть.

Мы зовём военных смертниками. Они нас — зажавшимися трусами. Что ж, справедливый обмен.

Когда отец решает отправиться за Стену — туда, откуда возвращаются не все, — я иду с ним.

Экспедицией командует капитан Томас Санчес. Он считает меня бездушной куклой. Я считаю его ходячим приказом. И было бы гораздо проще, если бы на этом всё и закончилось.

Всю жизнь я верила, что Стена отделяет нас от опасности. Мне хватило одной экспедиции, чтобы впервые спросить себя: а по какую сторону Стены она на самом деле?

Первая книга цикла "Гимлеон".

Содержание

ГИМЛЕОН. ИНТОКСИКАЦИЯ	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	51
Глава 6	62
Глава 7	78
Глава 8	92
Глава 9	106
Глава 10	116
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Реа Мар

Гимлеон. Интоксикация

ГИМЛЕОН. ИНТОКСИКАЦИЯ

Глава 1

Гнев, жажда, злость, похоть... Вереница пороков, пожирающих душу. Есть ли у них предел? Возможно, существует некое стоп-слово, способное остановить это безумие. Звучит неубедительно. Я не верю. А вы?

Даже если весь мир перевернулся с ног на голову.

Даже когда люди пожирают сородичей.

Даже Апокалипсис не стал тем самым пресловутым стопом.

Но вы возразите: у нас всегда есть выбор. Да, выбор... Красивое слово, не так ли? Дарующее призрачную надежду, придающее значимость каждому нашему шагу. Но не стоит забывать о другой стороне медали: каждое наше решение формирует не только нашу судьбу, но и судьбу тех, кто нас окружает.

— Ты опять ушла в себя? — хрипло рассмеявшись, вытягивает меня из раздумий Рон.

Он бесцеремонно валится рядом со мной на мягкий кожаный диван. Его рука недвусмысленно скользит по моей голой спине, оставляя после себя неприятное липкое ощущение.

— Слишком много выпила, — пытаюсь говорить внятно.

Голова начинает гудеть. М-да, Астрид. Пора либо закружиться, либо пойти потанцевать, чтобы проветрить мозги.

— На тебя шампанское так не действует, лгунья, — хихикает подруга, поправляя криво сидящую на голове корону.

Сиенна Делани. Виновица вечера. Именинница, чья вечеринка уже давно перешла все границы приличия.

Я с трудом поднимаюсь с дивана и чувствую, как шампанское сильнее ударяет в голову. Направляюсь к перилам балкона. Музыка грохочет, заставляя мои внутренности скрутиться. Цепляюсь за холодный металл. Закрываю глаза. Заставляю себя двигаться в такт ритму, чтобы вытравить пары алкоголя из каждой клеточки тела. Раствориться. Забыть. Чтобы воспоминания не жалили. Задерживаю дыхание. Жду, когда станет легче.

Открываю глаза. Ладонью инстинктивно прикасаюсь к груди, сжимаю платье.

Уже не скребет... уже не жалит...

Бросаю взгляд на первый этаж клуба. Внизу люди. Много людей. Яркие, танцующие, пьющие. Откуда их столько?

— Что ты творишь, недоразумение? Ты это специально?!
— визжит Сиенна.

Она, пунцовая от гнева или избытка алкоголя, вскакива-

ет из кресла. Хватает салфетку из трясущихся рук официантки и с остервенением трёт пятно на своем платье. Подхожу к ней. Не из сочувствия. И, упаси господи, не из жалости к перепуганной официантке. Просто скучно. Вся эта сцена не вызывает ни малейшего интереса. Но порой приходится отвлекать себя таким вот неоригинальным способом. Обнимаю подругу со спины, упираюсь подбородком в её плечо и рассматриваю перепуганную девушку.

— Простите, я не хотела. Тут слишком темно, я споткнулась об этого... мистера, — лепечет она, указывая пальцем на Крейга, который наслаждается происходящим, с плотоядной улыбкой окидывая её фигуру взглядом.

Официантка выглядит совсем ещё зелёной — не больше восемнадцати лет. В обтягивающей короткой юбке она явно чувствует себя неуютно, потому постоянно оттягивает её вниз.

— Ты хоть понимаешь, сколько месяцев шилось это платье? И твоё «прости» тут не поможет!

Друзья наблюдают за происходящим. Лишь Яну плевать — у него дела поинтереснее: какая-то девица на его коленях усердно отрабатывает ртом свой бесплатный коктейль. Крейг ухмыляется, в его глазах плещется жажда ещё большего зрелища. Не удивлюсь, если он толкнул девушку нарочно.

Сиенна надменно вскидывает подбородок.

— На колени! Будешь чёртовой подставкой для моих ног всю ночь, — выносит она приговор. — Ой, прости, я сказала

«на колени»? Ошибочка. На четвереньки!

Официантка замирает. Её глаза расширяются от ужаса. Губы беззвучно шепчут слова мольбы.

Сиенна мелко дрожит. Не от злости, а от предвкушения. В наши двадцать лет здесь, на вершине уцелевшего мира, мы имеем всё, о чём отбросы снизу боятся даже мечтать. Абсолютная безнаказанность пьянит похлеще любого другого алкоголя.

Отхожу к столику. Беру со стола бокал с игристым и делаю глоток.

— Пожалуйста, я не хотела! Это мой первый рабочий день. Прошу, хотя бы не всю ночь! Меня ждёт больной братик!

Закатываю глаза и ухмыляюсь.

Все они твердят одно и то же. Слетаются, стремятся получить что-то на высших уровнях, наивно полагая, что их заметит какой-нибудь долбаный принц. Нет. Он им даром не всрался. Они хотят властного героя. Чтобы украл, спасал. Чтобы трахал, подчинял, ломал. Обязательно был с изломанной душой. А она — овечка кроткая — станетлизывать его раны. И, конечно же, у них будет любовь. До безумия. До самозабвения. Смешно, правда? А когда сталкиваются с ледяной жестокой правдой — сразу вспоминают о вонючих нижних уровнях.

— На четвереньки! — надменно повторяет Сиен.

— Пожалуйста...

— Заткнись, недоразумение!

Официантка, повинувшись, опускается на колени. Я через один шаг оказываюсь возле несчастной. Небрежно касаюсь её мокрого от слёз подбородка, приподнимаю лицо к тусклому свету вип-зала. По щекам девушки бегут слёзы, маленький нос покраснел. В тёмно-синих глазах плещутся испуг и безысходность. Красивое зрелище. Поднимаю вторую руку. Демонстративно, медленно... выливаю содержимое бокала ей на голову. Она вздрагивает, но не издает ни звука. Умница. Стоит на коленях униженная, но не сломленная.

— А теперь проваливай отсюда, — приказываю ей.

Официантка судорожно кивает, вскакивает на ноги и пулей выбегает из нашей зоны.

Поворачиваюсь к Сиен. Её лицо искажается от ярости. Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но я не даю ей шанса:

— Равноценный обмен, не находишь?

— Мой вариант был лучше.

— Она отравляет воздух своим присутствием. Ты прекрасно знаешь, что у меня на них аллергия, — тихо, но твёрдо говорю, глядя подруге в глаза.

Добро пожаловать в мой мир. В мир элиты уцелевшего города посреди Апокалипсиса. В мир нашего красивого морального разложения.

— Доброе утро, Астрид! Сегодня двенадцатое мая две ты-

сячи девяноста восьмого года. Семь часов тридцать минут. Температура воздуха составляет плюс семнадцать градусов по Цельсию, а к полудню ожидается облачность. — Приветственный голос Новы, искусственного интеллекта нашего города Гимлеона, вырывает меня из сна.

Боль сверлит голову так, что веки не разомкнуть. В ушах всё ещё гремят отголоски вчерашнего дня рождения. Музыка. Смех. Алкоголь. Танцы.

— Дай мне ещё чуть-чуть, а лучше — полчаса.

Переворачиваюсь на другой бок и уютно зарываюсь в подушку.

— Вижу голосовое сообщение от мистера Венделя — пришло минуту назад. Воспроизвести?

— Угу.

— Доброе утро, Астрид! Надеюсь, ты уже проснулась. Я, кажется, забыл папку и блокнот со своими записями на кухонном столе. Милая, будь добра, занеси их в центр. И помни, дорогая: залог успешного дня — это его хорошо выстроенный распорядок. Я заметил, во сколько ты вернулась с дня рождения. Не подумай, что я тебя ругаю, но смею заметить, что ты, вероятно, сейчас плохо себя чувствуешь и совершенно не выспалась. До встречи!

— Соглашусь с мистером Венделем. Четыре часа сна могут негативно сказаться на организме. Например, вас будет одолевать усталость и эмоциональная нестабильность, снизится эмоциональная...

— Пожалуйста, давай без твоего занудства. И так голова трещит!

Я сажусь, приваливаюсь к спинке кровати и с остервенением стягиваю маску для сна. Прикрываю зевоту рукой и оглядываю спальню. Комната сегодня в приглушенных оттенках оливкового, а из панорамного окна открывается вид на хвойный лес, раскинувшийся на склоне горы. Впечатляет.

— Ты сменила изображение на сенсорном окне, — констатирую факт. — Почему хвойный лес?

— Зеленые оттенки способствуют расслаблению и гармонии, символизируют свежесть и обновление, что идеально подходит для начала нового дня, — спешит успокоить Нова. — Сменить визуализацию?

— Оставь.

Внимательно рассматриваю детали картинки. Ханна говорила, сенсорные окна создают такой эффект правдоподобности, что не остаётся границ между реальностью и виртуальностью.

Скидываю атласное одеяло и вяло плетусь в ванную. Толстую дверь. Куча подсветки и холодный цвет стали, покрывающей стены и пол, — неудачное сочетание. Кто вообще проектировал эти жилые сектора? Если целью было, чтобы человек окончательно проснулся, то им это удалось.

Каждое утро у жителей города начинается с рутинной процедуры — сканирования здоровья. И пропустить его, увы, нельзя.

Скан отделен от спальни стеклянными отсеками. На стене расположен большой прямоугольный экран. Поднимаю глаза к сенсорной панели управления, тяну правую руку вперед. Палец замирает над кнопкой на дисплее. Металл, туго обвивающий запястье, холодно поблескивает на свету. В центре гранёного корпуса выделяется символ нашего города — триксель. Его металлические линии плавно перетекают друг в друга, закручиваясь в три бесконечные спирали, на концах которых пульсируют красные точки-индикаторы. Плающий цвет — знак принадлежности к избранным.

Город рассечён на три уровня, как слоёный пирог. Угадайте, что за начинка? Всё по классике: высший слой, средний и, конечно же, нижний — такова иерархия Гимлеона. Высший и средний уровни настолько огромны, что занимают по два целых яруса каждый. А вот самый нижний — всего один, сжатый у самого основания.

На запястье каждого обитателя города красуется браслет-индикатор. На среднем уровне он мерцает тусклым болотным цветом. На нижнем — серым, словно выцветшая тоска.

Но не стоит думать, что светодиодный браслет — всего лишь модный гаджет, определяющий касту жителя города. Браслет — это ключ, по которому сканеры мгновенно идентифицируют личность. И, разумеется, состояние виртуального кошелька. Жители «дна» отчаянно копят эти цифровые баллы, мечтая однажды вырваться наверх.

Но чтобы это сделать, недостаточно просто накопить баллы. Необходимо заслужить право на восхождение, принести пользу Гимлеону, доказать свою ценность. И лишь тогда, если Совет соизволит подписать разрешение для перехода, серый индикатор вспыхнет долгожданным зелёным — цветом надежды.

Давлю пальцем на кнопку с чуть большей силой. Три секунды томительного ожидания, и назойливая процедура запускается. На экране высвечивается моя фотография и биометрические данные. Девушка на экране как будто насмехается надо мной: «Я знаю, как тебе это осточертело, но будь хорошей девочкой».

Сканер активируется, и из динамиков доносится тёплый мужской голос:

— Доброе утро, мисс Вендель. Пожалуйста, встаньте в центр под инфракрасные лучи и расслабьтесь.

Опускаю руки вдоль тела и, чтобы хоть как-то убить время, рассматриваю свое изображение. Холодный взгляд. Застывшая усмешка на губах. Медно-золотистые волосы. Белая кожа. Глаза — светло-зелёные, с желтоватыми вкраплениями. Как камень сфен — так говорит отец.

Фотография исчезает, и ей на смену выводятся показатели здоровья, уровень стресса и потребности организма.

— Сканирование завершено. Не забудьте взять суточную норму витаминов для оптимального самочувствия. Гимлеон благодарит вас за сотрудничество и желает прекрасного на-

строения!

— И желает прекрасного настроения, — кривлюсь в ответ.

Дисплей гаснет, раздается щелчок, и экран отъезжает вправо. В железной нише лежат бесцветная капсула и стакан воды. Моя норма витаминов. Выпиваю таблетку и поспешно снимаю шелковую пижаму. Душевая система включается автоматически. Всё. Теперь в обжигающие объятия воды. И можно начинать этот день.

Скидываю с себя полотенце в гардеробной и подхожу к вертящейся голограмме моей мини-фигуры. Жму на пару кнопок — и вуаля: все деревянные панели исчезают, и передо мной предстает изобилие одежды. В ускоренном режиме голографическое изображение подбирает для меня образ на сегодняшний день. Выбор падает на кремовую блузку и темно-коричневую кожаную юбку миди с пикантным разрезом спереди.

Расчесав длинные волосы, мастерю из них небрежный пучок и, подойдя к зеркалу, выпускаю несколько прядей у лица, прикрывая маленькое родимое пятно у виска. Спасибо, что оно не на середине лба, а сбоку, у линии роста волос.

Выбегаю из спальни и направляюсь в кухню, отделенную от гостиной стеклянной перегородкой. Там великолепно пахнет жасминовым чаем, приготовленным Ханной. Рядом с чашкой лежит записка: *«Ты — моя крепость, в которой для меня всегда найдутся поддержка и любовь»*. Сделав глоток,

хватаю папку, сумку и направляюсь в «Генетический инновационный центр» — ГИЦ.

Глава 2

Наш город необычен. По рассказам отца, изначально его задумывали как футуристический уникальный проект, который должен был состоять из двух сооружений, вытянутых в линию длиной около ста километров.

Но стеклянный город так и не был завершён. Из-за катастрофы проект закрыли и успели отстроить едва ли десять километров, которые срочно обнесли стенами, запечатав от ужаса внешнего мира. Снаружи — непрístupная бетонная стена, а внутри её украшают зеркальные фасады, отражающие жизнь, которая бурлит между двумя этими строениями.

Два длинных здания соединены парками, улочками и мостами. Пешеходные дорожки извиваются на всех уровнях, создавая лабиринт. По ним весь город можно обойти за пару часов.

В толстых стенах расположены жилые секторы, торговые и развлекательные зоны, офисы и бизнес-центры. «Центр медицины высшего уровня» — это средоточие современных технологий. В просторном холле сверкает глянцевый мраморный пол. Возле железного турникета стоит терминал с искусственным интеллектом. Подношу правую руку с браслетом. Система считывает данные. Ввожу цель визита, и только после этого меня пропускают к широкой лестнице.

Обитель моего отца напоминает муравейник. Только в

этом рое люди передвигаются на двух ногах, и все они облачены в белоснежные халаты. Кто-то узнает меня и кивает. Неудивительно — в детстве я любила проводить время в этих стенах. Ключевое слово здесь — детство. Сейчас же я хочу побыстрее отсюда убраться. Кто-то окликает меня по имени и активно машет, стремясь в мою сторону. И этого кого-то я, к сожалению, знаю слишком хорошо.

— Лиззи, у меня нет времени на твою болтовню, говори быстрее!

— Астрид, привет! Какая встреча! Будто фея из прошлого! Я только вчера вспоминала о тебе, и вот ты здесь! Как солнечный зайчик, освещающий наш цент...

Солнечный зайчик? Серьезно? Она издевается над моей огненной шевелюрой?

— Ты что-то хотела? — обрываю поток её слащавых комплиментов.

Лиззи сияет улыбкой, а у меня предательски дёргается глаз.

— Завтра мы отмечаем моё повышение! Да, представь, меня повысили! С ассистента биолога до специалиста по генетике! — хлопая в ладоши, визжит она.

Медицинский халат задирается, обнажая хрупкое запястье Лиззи, на котором поблескивает зелёный индикатор браслета.

— Правда, всё пройдёт скромно, — ловит она мой взгляд и тут же опускает рукава. На губах расцветает тёплая ис-

кренная улыбка. — Приходи в зону отдыха центра, будут почти все знакомые тебе лица! Вспомним детство, проведенное тут!

— Во-первых, я тут почти никого не помню, а во-вторых, с чего ты взяла, что я хочу куда-то идти?

— Мы же были так дружны. Я, ты и Ка...

— Закрой свой рот! Не смей, слышишь! Не смей никогда произносить это имя! — жестко чеканю, шагнув к ней угрожающе близко.

Лиззи смотрит на меня разочарованно и опускает взгляд. На ресницах блестят слёзы. Не желаю быть свидетельницей всей этой дешёвой драмы. Обхожу её тощую фигуру и спешу в крыло лаборатории.

Не стоило мне надевать такую узкую юбку. Плетусь теперь, как гусеница! И эта Лиззи... С чего она вообще решила, что я соглашусь пойти на её вечеринку? Или как она это называет? Посиделки? Уму непостижимо! Господи, да меня друзья засмеют, увидев в её обществе!

В тот момент, когда я уже собираюсь повернуть направо, передо мной внезапно возникает большая мужская фигура.

— Чёрт бы тебя побрал, Джон! Нельзя же так появляться, будто из-под земли! — бросаю сердито, схватившись за сердце.

Однако сейчас, глядя на Джона, я вижу лишь призрак того добродушного парня. По его бледному лбу скатываются капельки пота, а пальцы с силой сжимают мои предплечья.

Он склоняется ко мне слишком близко. В воздухе витает отвратительный запах тухлого яйца. Фу... Я инстинктивно отстраняюсь.

— В процедурный кабинет! С самого утра! Туалет! Уже шестой раз...

— Что?

— Все убежали на конференцию, никого не смог найти. Нужно запустить этот чёртов аппарат для забора крови, — заглядывает в мои глаза Джон и сильнее стискивает мои предплечья.

— Так, стоп! — прерываю его бессмысленную речь. — И вообще, ты делаешь мне больно! — вырываю руки из его захвата. Так и синяки можно получить!

— Астрид, пожалуйста, выручай! Ты единственная, кто сможет помочь! Ты же знакома с этим аппаратом. Там дел всего на пять минут — пара кнопок, и всё готово!

— Нет! — Постепенно я начинаю осознавать, чего именно от меня хочет Джон.

— Пожалуйста, Астрид! Мне надо в туалет, а заставлять ждать этого пациента — не лучшее решение! Да и вообще, у тебя должок! Кто прикрыл твою задницу двенадцать лет назад, когда ты налетела на женщину с важными пробирками, а?

— Двенадцать лет назад? Ты серьёзно? И с чего это я вдруг стала экспертом по забору крови?

— Ты же всегда возле отца крутилась в лаборатории!

Должна помнить!

— Неужели? Больше помню покатушки в тележках по коридорам! — огрызаюсь я.

— Ну, Аст... — Он не успевает договорить — его живот издаёт непонятные звуки, и Джон сквозь сжатые зубы произносит с нажимом: — Астрид...

Нет, сегодня явно не моё утро. И чем я заслужила такое наказание? Сначала Лиззи, теперь Джон, а дальше что? Мне всего лишь поручили принести папку и чёртов блокнот — дело, которое не должно было занять и десяти минут! И почему именно сегодня папа, который никогда ничего не забывает, вдруг умудрился оставить дома эти важные записи?

— Хорошо-хорошо, я согласна! Что там нужно сделать? Только говори быстро, у меня нет времени.

— Отлично! Фу-ух, спасибо. Просто нажми на зелёную кнопку и убедись, что все индикаторы стали синими. И ничего больше не трогай! И главное, не вступай в диалог с пациентом! — объясняет Джон, и я киваю, хотя внутри меня все кипит от возмущения. — И на, накинь это! — Джон снимает с себя белый халат и буквально впихивает в мои руки, а затем пулей летит в сторону туалетов.

Не веря в происходящее, я сжимаю халат в руке.

— Прекрасно! Теперь я буду пахнуть, как твои проблемы с пищеварением. Спасибо, Джон, ты сделал моё утро, — бурчу ему вслед.

Одна мысль о том, что придется облачиться в его пропи-

таннный потом вонючий халат, вызывает омерзение!

Скомкав его, оглядываюсь по сторонам в поисках спасения. В этом крыле даже нет подсобного помещения, где можно попытаться найти свежий халат подходящего размера!

Думай, Астрид, думай!

А может, плюнуть на всю эту затею? Скажу, что не успела, или ещё что-нибудь придумаю в своё оправдание. И почему нет Лиззи, когда она так нужна? Или, может, попытаться отыскать её?

Будь он неладен, этот Джон, Лиззи и этот пациент, ждущий за дверью!

Я швыряю халат в ближайшую урну, поправляю лямку сумки на плече и уверенно распахиваю дверь. Бесшумно переступаю порог процедурного кабинета.

— Джон, ты прекрасно осведомлен о времени моего прихода — и всё же позволяешь себе опоздания! — произносит девушка гортанно. Светловолосая голова оборачивается, пренебрежительный взгляд скользит по моему лицу и фигуре, а на губах расплзается усмешка, полная презрения: — Ты ошиблась. Спа-салон в соседнем здании! — с вызовом поднимает тонкую бровь, украшенную колечком, и подбородком указывает мне на дверь.

Каждый прокол на её лице вызывает у меня брезгливость: в ушах чёрные сквозные дырки, а в носу сверкает пирсинг. Что за безвкусица? Но, вспомнив, что не стоит провоцировать конфликт, особенно с пациентом, я стараюсь успокоить

нарастающее раздражение и быстро произношу:

— Здравствуйте, меня зовут Астрид Вендель, я ассистент Джона. Минуту назад он сообщил мне, что не может присутствовать на процедуре. И вот я здесь.

— Ассистент Джона? А выглядишь так, будто сбежала из ночного клуба! — с дерзостью во взгляде, повернувшись ко мне и скрестив руки на груди, делится пациентка своим ту-поумием.

Её трудно назвать девушкой. На её руках отчётливо выделяются бицепсы, на одной стороне головы выбрит висок, чёрные каракули на шее и плечах. Единственным намеком на женщину остаётся грудь под черной майкой. Тёмные брюки заправлены в высокие зашнурованные ботинки.

На секунду мелькает мысль, что она с нижних уровней. Но подобных отбросов даже на порог ГИЦа не пустили бы. Взгляд цепляется за её скрещенные руки на груди. Браслет отсутствует.

Картинка начинает складываться. Теперь понятно, почему она так выглядит: она — из военного отряда. Неспроста этих ребят называют смертниками, ведь только самые безумные могут рваться за пределы города.

Подхожу к аппарату, напоминающему небольшое кресло, окидываю его взглядом, проверяя знакомые элементы управления. Остаётся запустить механизм и заставить эту дуру сесть в кресло. Протягиваю руку к кнопке запуска, но возникшую тишину вновь разрывает ядовитый голос:

— Неужели элите стало скучно, и она решила поиграть в докторов! Оу, так, может, вас заслать за Стену? Поверь, ярких впечатлений наберетесь! Только есть маленький нюанс: не гарантирую, что вернетесь живыми!

Замираю и медленно поворачиваюсь к ней, высокомерно вскинув бровь. Неужели нельзя было придумать реплику по-оригинальнее?

— Спасибо за предложение, но ни в коем случае не смею претендовать на ваше геройство, — усмехаюсь, смерив её взглядом с головы до ног. — Боюсь, мне никогда не постичь вашей маниакальной жажды самопожертвования.

— Да что ты знаешь о смерти, соплячка, чтобы размышлять о жертвенности?! — приближаясь, рычит она. — Из-за ваших амбиций парни гниют в земле. Чтоб такие, как ты, не жились в тёплых постелях!

— И что ты хочешь от меня услышать? Слова благодарности? Клятвы верности? — сохраняя внешнее спокойствие, ледяным тоном уточняю. — Если тебе так противна военная служба — займись чем-нибудь другим. В чём проблема?

— Послушай сюда, ты, кусок дерьма! Я таких, как ты, презираю! Вы здесь не подошли только благодаря нам. И спите спокойно вы тоже благодаря нам! Готова подставить свой зад для твоих благодарных поцелуев! — Её губы кривятся в презрительной усмешке.

— Тебе не помешало бы принять душ, а то вся комната пропахла гнилью и безысходностью. Боюсь, не сдержу рвот-

ные позывы.

— Ах ты, сука...

— Лейтенант Райт!

Мы одновременно поворачиваем головы к двери. Там стоит высокий мужчина в военной форме. Его суровый взгляд упирается в мою собеседницу.

— Лейтенант, весь отряд уже сдал кровь. Вы последняя.

— Прошу прощения, сэр. Произошло недоразумение. Эта пигалица решила, что может управлять аппаратом. Я не могла допустить её к оборудованию.

Хватит. Достаточно этого цирка! Пусть Джон сам расхлёбывает эту кашу!

С кушетки забираю свою сумку, туда же запикиваю папку с блокнотом, которая стала символом моего неудачно начавшегося утра. Решительно подхожу к двери, и в этот момент наши взгляды с военным сталкиваются. Его пронизывающий карий встречает мой холодный.

Вспоминаю этого мистера — видела его лицо в новостных сводках. Это никто иной как Томас Санчес, известный в военных кругах тем, что в свои двадцать пять уже достиг звания капитана отряда. А может, это и не он. Плевать. Для меня они все как один, под копирку — безликие солдаты системы.

Терпеливо, словно ожидая чуда, смотрю на этого шкафа. Который не торопится сдвинуться с места. Выставив ногу вперёд и уперев руку в талию, я чувствую, как разрез юбки

оголяет внутреннюю часть бедра. Если бы не тяжесть сумки, я бы скрестила руки. Но сейчас лишь таращусь на капитана, стараясь донести до его сознания, что он должен отойти от двери.

Его хмурые брови всё больше нависают над глазами, придавая взгляду тяжести. Загорелое лицо заострилось. Красивый, однако.

— Том, пусть катится на все четыре стороны, — слышу язвительный голос этой стервы.

А нет, передо мной действительно стоит сам мистер Санчес. Или как там его? Капитан Санчес?

Он все же удосуживается отойти от двери, но вместо того чтобы сделать шаг вбок, входит в кабинет и оказывается очень близко ко мне. Я не собираюсь сдаваться и поднимаю подбородок выше. Наши взгляды снова пересекаются. Капитан Санчес чертовски высокий. Чтобы не глядеть на его выпирающий кадык, я опускаю взгляд, обхожу живое препятствие и направляюсь к открытому входу.

Я просто хотела помочь! Оказать небольшую услугу! Очистить эту проклятую карму, так сказать! А получила помой от ненормальной стервы.

Быстрыми шагами дохожу до папиного кабинета, где он уже ждёт меня, мечась, как маятник.

Безумное утро.

— Извини за возникшую ситуацию, — быстро освободившись из моих объятий, произносит он. — Я не предполагал,

что семинар будет сегодня.

— Сколько раз я тебе говорила, что исследование лучше записывать на электронный носитель?

— Нет, Астрид, иногда прогресс не может соперничать с бумагой. Тем более это мои старые пометки, написанные ещё до Всемирной катастрофы.

Карамельные глаза отца — такие же, как у Ханны — смотрят на меня с теплотой. Папа — очень умный человек. Учёный в области генетики. Его имя — Ганс Вендель. Он гений. Я не зря говорила, что он ничего не забывает — память у него феноменальная.

Жизнь отца — незримая нить ритуалов, которые помогают ему не потеряться в хаосе окружающего мира. Бывают тяжёлые дни, когда отец из-за стресса скрывается в своём конце отчаяния. В такие вечера отец запирается в своей комнате и никого, кроме сестры, к себе не подпускает.

Я задавала вопрос о моей матери и ему, и тёте. Ответ всегда был прост: она покинула нас. Вот так. Без лишних слов и душещипательных историй. Не знаю, возможно, она испугалась трудностей? Чёрт возьми, на её месте я бы, наверное, тоже сбежала. Ребенок, рожденный в пепелище апокалипсиса, — то ещё наследство.

Честно говоря, я никогда не углублялась в эти размышления. У меня не было проблем из-за этого. Я приняла это как данность. Выросла в атмосфере любви и заботы. Ханна заменила мне мать. Плохая она или хорошая? Не мне решать,

но другой я не хочу.

Глава 3

Вечером мы с Ханной готовим ужин для нашей маленькой семьи. Хотя слово «мы» звучит слишком громко — я всего лишь сижу за кухонным островком и с интересом слушаю истории тёти.

В кухне витает аппетитный аромат тушеных овощей, за которым следует насыщенный запах чеснока, специй и трав — Ханна готовит свой фирменный рататуй.

— Как там прошёл праздник в честь дня рождения Сиен? — вдруг интересуется она, не поднимая глаз, нарезаая огурцы для салата.

— Ничего грандиозного, — сухо отвечаю и отправляю в рот горсть спелых ягод.

— Милая, — вздыхает тётя, откладывая нож в сторону и хмуро глядя на меня. — С тех пор как...

— С тех пор как? — резко перебиваю, вызываяще вскидывая бровь. — Ханна, мы с тобой обсуждали это тысячу раз. Всё, что происходит за пределами этих стен, не вызывает у меня желания обсуждать.

— Ладно, — сдаётся она и кивает в сторону гостиной. — На столе стоят свежие цветы, видимо, прямоком из оранжереи. От Яна.

— Что за букет на этот раз? — безразлично кидаю вопрос, даже не удостоив гостиную взгляда.

— Розы.

Драматично закатываю глаза.

— Нет, дорогая! — Ханна грозно тычет в меня вилкой. — Клянусь, я не позволю тебе в этот раз отправить их в мусорное ведро! Если не хочешь, чтобы он задаривал тебя цветами ежедневно, скажи ему об этом прямо.

Ханна сверлит меня взглядом, полным укора. Я даже почти верю в её праведный гнев. Но лишь на секунду. С трудом сдерживаю смех, и тётя качает головой, а затем тоже улыбается.

— Ты просто невыносима, Астрид! Невыносима и... чертовски любима!

Отправляю в рот ещё одну свежую ягоду.

— Я тоже тебя люблю. Даже когда ты пытаешься быть моей совестью.

Смотрю на Ханну и удивляюсь. Её авантюризм в молодости не имел границ. В карамельных глазах до сих пор искрит энергия, словно отражает все те яркие моменты, которые тётя повидала в своих путешествиях. Её стиль одежды такой же яркий, как и её личность: она носит аляпистые блузки, длинные туники, а главный акцент в её образе — массивные висающие серьги. Ханна — весьма привлекательная брюнетка среднего возраста. Она работает на вертикальной ферме, где для выращивания — не только овощей и фруктов, но и мяса и молочных продуктов — используют нанотехнологии. В автоматизированном комплексе имеется своя лаборатория.

Селекционеры создают поразительные гибриды, и красивые зелёные уголки в нашем городе возникли именно благодаря им.

Наша семья может позволить себе не работать, но Ханна не сидит дома. Иногда кажется, что, если бы не мы, она бы, несмотря на все трудности и мрачные реалии, отправилась за яркими ощущениями и острыми впечатлениями за Стену.

Папа же из тех, кто был приглашен в город. Однако не все генетики могут похвастаться таким же высоким статусом и красным индикатором на браслете.

По словам Ханны, когда мне было два года, нас эвакуировали на вертолёт из полигонного военного лагеря, где размещались выжившие. Уже тогда человечество понимало, что надежды на уничтожение *их* не осталось.

Раздается щелчок двери и усталые шаги. Нова тут же встречает отца приветствием:

— Добрый вечер, мистер Вендель. Как прошел ваш день? Могу для вас подобрать успокаивающую мелодию?

Мы с Ханной закатываем глаза.

— Вездесущая Нова! Будь она реальна, я бы ей хорошенько врезала. Иногда её лицемерие бесит, — с раздражением произносит тетя.

— Я думала, ты к ней привыкла.

Я принимаюсь сервировать стол в гостиной.

— Ага, привыкнешь к ней! Вот что я тебе скажу, девочка! Не стоит привыкать и полагаться на этих роботов! Всё-таки

людей они не заменяют! Да с ними даже в туалет нормально не сходишь — не дают расслабиться! Тут же комментирует форму и цвет испражнений!

Я прыскаю смехом и вижу промелькнувшую в гостиной фигуру отца.

Папа, не останавливаясь и не обращая внимания, как будто нас тут нет, торопливо направляется в свою комнату.

Мы не удивляемся его молчанию. В уединении и в знакомых действиях он обретает спокойствие. Для него крайне важно аккуратно разложить документы. Положить на место электронный планировщик. Тщательно вымыть руки и высушить пальцы — каждый по отдельности.

Для окружающих папа может казаться странным, а порой даже сумасшедшим, но в этом и заключается его суть — потребность в порядке и стабильности.

Как только он будет готов вылезти из своего кокона, он с воодушевлением сообщит: «Дорогие мои, мы приблизились на один шаг к открытию вакцины!»

Каждый вечер после каждого рабочего дня вот уже пятнадцать лет я слышу это. Для отца это стало неким ритуалом, а для нас сигналом, что папа готов общаться с нами.

Никто уже не верит в чудо-вакцину. Это миф. Легенда для самих же генетиков. Нет, мы не утонули в пессимизме. Просто люди ко всему привыкают, даже к краху мира. Если в первые пять лет человечество ещё питало надежду на возвращение старой жизни, то сейчас все изменилось.

Не буду юлить, мне всё равно. Я не тоскую по изначальному миру так, как, например, Ханна. Я ту жизнь не знаю, я её не проживала. Мой мир — это Гимлеон. Я выросла здесь, и это место — часть меня. У меня есть тётя, есть отец, есть друзья. К счастью, нет отшибленных мозгов, как у тех, кто готов пытаться что-то кому-то доказать вылазками за Стену города.

— Дорогие мои. Я скоро впервые выйду за Стену!

Резко оборачиваюсь к отцу, оглушенная новостью. Тарелка выскальзывает из моих рук и со звоном разбивается о кафельный пол. Как в замедленной съемке, я заворуженно наблюдаю за разлетающимися осколками.

Ханна вскрикивает. В воздухе повисает напряженное молчание. Отец, не зная, куда направить взгляд, попеременно окидывает им то Ханну, то меня, то тарелку — то, что от неё осталось.

Первой не выдерживаю я. Опускаюсь на пол и начинаю собирать крупные осколки. В этот момент раздаётся тихий гул помчавшегося в нашу сторону робота-пылесоса. Я встаю, аккуратно кладу на стол обломки и обращаюсь к отцу:

— Пап, что произошло?

Переведя на меня растерянный взгляд, он тараторит:

— В ближайшее время планируется научная экспедиция, военные обнаружили заброшенную лабораторию, Совет поручил исследовать её и...

— Подожди, Ганс, но какое ты имеешь к этому отноше-

ние? — взволнованно перебивает Ханна, хмуря брови и подходя ближе к нам. — Ты же генетик! Твои знания бесценны здесь!

— Я уже принял решение, — глухо сообщает отец.

— Так отмени его! — Ханна вскидывает руки, её голос срывается на дрожь. — О чём ты вообще думаешь?! Это экспедиция ЗА СТЕНУ! Ты в своём уме?!

— Вдруг в лаборатории остались данные, образцы... Они могут ускорить создание вакцины.

— Неужели кучка пыльных пробирок важнее твоей жизни? Ты вообще о нас подумал? Об Астрид? Ты же можешь спокойно продолжать свои исследования здесь, делиться знаниями, вдохновлять других учёных... Да что угодно! Но здесь, Ганс! Не там, где смерть поджидает на каждом шагу!

Слова Ханны вышибают воздух из лёгких. В детстве я любила обрывки историй про экспедиции. Тогда они казались чужими, далёкими, словно из другой жизни. Но отец никогда в них не участвовал. Да что там, наша семья ни разу не покидала Гимлеон с тех пор, как мир пошёл ко дну. До сегодняшнего дня.

— С нами будет один из лучших боевых отрядов! Я всё обдумал, Ханна. Чувствую, что это важно. Я должен быть там!

— Чувствует он... А как же твои панические атаки? Там, в стрессовой ситуации, тебя вообще накроет! И страшно по-

думать, что может произойти...

Ханна прикусывает губу, сдерживая слёзы.

— Пойми, я должен это сделать, — устало вздыхает отец и смотрит на неё с беспомощной мольбой. — Дело не только в лаборатории или в вакцине — я должен узнать ответы... Ты прекрасно знаешь, о чём я...

Ханна бледнеет, отчаянно мотает головой, но не отводит взгляда от отца. Между ними повисает молчаливый диалог.

А ещё я отчётливо помню из рассказов про экспедиции, что редко кто из них возвращался живым.

— Пап... — Сглатываю ком в горле и решительно выпа-ливаю: — Я поеду с тобой. Буду твоим сопровождающим.

Ханна и отец синхронно оборачиваются ко мне.

— Нет!!!

В их синхронном крике звенит одинаковый ужас.

— Почему?! — раздражённо скрещиваю руки. — Я знаю папины панические атаки и знаю, как с ними бороться! Я буду рядом, в случае чего!

— Астрид, ты с ума выжила? Ты хоть понимаешь, о чём говоришь? Это не прогулка по Гимлеону! Это, чёрт возьми, поход за Стену!

— Я согласен с Ханной, — строго говорит отец. — Ты должна оставаться в безопасности.

— Если на то пошло, то мы все должны оставаться в безопасности! — возражаю я. — Отмени своё участие в экспедиции, и вопрос исчерпан! Уверена, найдется куча добро-

вольцев, желающих погеройствовать. Один, без меня, ты не справишься, папа.

— Милая, уже поздно. Мою кандидатуру утвердили сегодня вечером.

— Ну, раз так... Значит, я еду с тобой.

— Нет, Астрид, — отец качает головой, сжимая переносицу. — Это даже не обсуждается!

— Ты уж точно не отправишься за Стену! — добавляет Ханна, встревоженно глядя на меня. — Я поеду с Гансом. Завтра попробую отпроситься с работы, поговорить с мистером Нилом. Так... всё, давайте ужинать.

Иду в кухню и мимоходом задаю вопрос:

— Пап, а что за боевой отряд будет вас сопровождать?

Необходимо заменить разбившуюся тарелку. Только сейчас до меня доходит, что эта тарелка принадлежала мне.

— Отряд «Химера». Под командованием Томаса Санчеса.

Глава 4

Все дети в городе учатся с ранних лет. У них есть свобода выбора, однако многие следуют по стопам родителей. Для таких направлений как экология, инженерия, военное дело и медицина есть отдельный учебный центр. Но в этой аудитории собрались в основном такие же, как и я — кто не определился с будущей профессией, а если точнее — дети голубых кровей.

Войдя в помещение, на мгновение устремляю взгляд вверх. Огромная люстра формой напоминает волны, мягко перетекающие друг в друга. Потолок кажется невесомым, а плавные изгибы создают ощущение бесконечности. Но главная фишка — голографический проектор.

На огромном экране сейчас светится неясная картинка. Профессора Шлимана ещё нет, а мои однокурсники рассаживаются по белым креслам.

Мы с Сиен спускаемся до пятого ряда. Устраиваемся на своих местах, и я задаю вопрос:

— Как думаешь, о чём сегодня будет лекция?

— Если будет вести мистер Генри, то можем рассчитывать на фильм, — мечтательно вздыхает Сиенна. — А если маразматик Шлиман, то снова будет нудить о том, как нам повезло родиться в защищённом городе.

Сиенна обладает утонченными чертами лица. Родители

родом из далёкой Англии одарили её аристократической внешностью.

— Что обсуждаете, красотки? — раздаётся над нами жизнерадостный голос Криса.

Поворачиваюсь к нему и смотрю, как он и Рон плюхаются на свои сиденья. Рядом с ними Крейг со своей девушкой Эммой.

— Астрид пытается выяснить, какая скукота ждёт нас на лекции, — говорит Сиенна и перекидывает свои идеальные платиновые волосы через плечо.

— Да плевать, о чём он будет бубнить, — пожимает плечами Рон, вальяжно развалившись на кресле. — Остались последние месяцы учёбы, и я намерен насладиться ими по полной, пока отец не начал давить.

Мой взгляд блуждает по лицам друзей. Элита Гимлеона. Отпрыски тех, чьи родители купили билет в рай посреди ада. Избранные детишки нового мира.

Невольно жужжат, как докучливые мухи, слова той смертницы: «Вы здесь не подошли только благодаря нам». Жужжат, но не жалят.

Когда мир оказался на грани вымирания из-за вируса, в Гимлеон в первую очередь заселились влиятельные семьи, щедро инвестировавшие в его постройку. Потом собрали выдающихся учёных, программистов, инженеров. После них очередь дошла до простых смертных.

Даже в апокалипсис банковский счёт может оказаться ве-

соее сотен тысяч человеческих жизней.

Громкий смех притягивает взгляд к Рону. Лёгкая кучерявая челка, спадающая на глаза, придает ему сексуальности. Кристофер и Рональд — два ярких представителя этой привилегированной тусовки. Семья Портманов, к которой принадлежат Рон и его брат Крис, занимает в городе особое место. Большая удача, когда оба родителя — влиятельные члены Совета.

— Кстати, отчим просил передать, что для гольфа в город привезли нужные «реквизиты». — Эмма кокетливо поправляет прядь волос и бросает игривый взгляд на Крейга, надеясь привлечь его внимание.

Тот лишь одаривает её скупой равнодушной полуулыбкой. Неужели Эмма не видит, что совершенно ему безразлична?

— Наконец-то! — Крис в предвкушении потирает ладони, и его глаза загораются азартом. — Что-то генерал Ремарк в этот раз затянул с партией свежих «лунок». Девочки, будете делать ставки?

Только хочу сказать, что ставки бессмысленны, ведь Крейг вне конкуренции, как вдруг свет в аудитории гаснет, только мягко светится экран, занимающий всю стену.

Смотрю на трибуну и вижу скрюченную фигуру профессора Шлимана. Доставая очки из внутреннего кармана пиджака, он внимательно обводит взглядом аудиторию, ожидая абсолютной тишины. Надев очки, начинает лекцию:

— Уважаемые учащиеся, я сегодня заменяю вашего преподавателя.

Повозившись с планшетом, Шлиман выводит на экран изображение: какие-то люди толпятся у неизвестного здания с вывеской «Клиника пульмонологии Хельсинки», а рядом стоят вооружённые люди в защитных масках.

— Год две тысячи семьдесят четвертый стал поворотным в истории человечества, — каркает профессор. Мы с Сиенной переглядываемся, закатываем глаза и усмехаемся. Встроенные динамики в аудитории создают объемный звук, благодаря чему голос профессора звучит сразу отовсюду. — Научные прогнозы, выдвинутые ещё раньше, начали материализоваться в виде резкого увеличения уровня приземного озона. На начальных стадиях его воздействия наблюдались минимальные симптомы, такие как легкое жжение в глазах и незначительное покашливание...

— Кха... кха...

По аудитории проносятся весёлые смешки.

Удивлённо вытянув лицо, Шлиман прерывает лекцию и взглядом ищет нарушителя тишины.

— Простите сэр, в горле что-то першит, — насмехается Крис.

Улыбаюсь и качаю головой. Придурок Крис в своём репертуаре.

— Мистер Портман, вы хотите что-то сказать?

— Собственно, да, — медленно произносит Крис, вста-

вая. — Не считите за дерзость, профессор, но мы знаем эту историю с рождения. Знаем, что человечество гнило заживо, захлёбываясь в собственном бессилии перед апокалипсисом. Приземный озон стал сгущаться, люди задыхались от смога. Кто-то сдох, а те, кто пережил асфиксию... — Крис обводит взглядом аудиторию и разводит руками, — перестали быть людьми!

И с циничной усмешкой Крис опускается в кресло.

— Мистер Портман, если у вас нет дополнительных комментариев, то позвольте мне продолжить. Как выразил Крис, мутация не связана с обычным озоном. С две тысячи шестидесятого года экологические проблемы дали о себе знать — начались серьёзные природные катаклизмы: землетрясения, вулканические извержения, наводнения. Создавалось впечатление, что Земля стремится избавиться от человечества. Я согласен с мнением, что приземный озон стал катализатором хаоса. Люди умирали, больницы превратились в переполненные морги. В городах вспыхнули массовые протесты и беспорядки, появились криминальные группировки. Фанатики выходили на площади и гласили о конце света. Страны вводили режим военного положения и организовывали военные лагеря.

На экране мелькают фотографии того времени. Паника, ужас и страх читались в лицах всех людей.

Клик. Женщина, прижавшая к себе годовалого ребенка.

Клик. Больницы, и люди на аппаратах ИВЛ.

Клик. Фото морга.

— Так что же в итоге превратило людей в зомби? — выкрикивает парень с третьего ряда.

— Группа из четырех эпидемиологов представила тревожный отчёт, в котором говорилось, что человечество на грани вымирания из-за мутирующего гена, найденного в крови людей северной Европы. Этот вирус впервые обнаружили в Финляндии. Зараженный Эволюционный Домен, известный в научной среде под аббревиатурой ЗЭД-1. Этот вирус продемонстрировал способность к быстрому распространению. И, как мы уже знаем, первыми носителями стали дети, которые заразили своих родителей, друзей и родственников. Ни одна из существующих вакцин не смогла эффективно справиться с этой эпидемией...

Я слушаю и вспоминаю рассказы отца и Ханны о времени, когда весь мир потрясла новость о новом вирусе, и о последующем ужасе людей. На начальных этапах заражения они переживали нечто удивительное — в их организмах происходил мощный выброс адреналина, который давал ощущение молодости и неистощимой энергии. Кожа быстро регенерировала, зрение и слух становились острее.

На четырнадцатый день после заражения все изменилось. Признаки болезни продолжали проявляться, но теперь — с неумолимой жестокостью: волосы и зубы начинали выпадать, кожа покрывалась гнойными воспалениями.

На семнадцатый день зараженные умирали.

Через три дня умершие подавали признаки движения.

На двадцать первый день для всего мира наступил конец — жертвы ЗЭД-1 восстали из мертвых.

В аудитории стало тихо. На экране мелькали фотографии зараженных людей, их мертвые тела разлагались.

— ...Мы стали свидетелями мутаций, происходящих в геноме зараженных, что привело к возникновению нового термина «некроформные существа». Этот термин происходит от греческого слова «некрос», что означает «мертвый», и латинского «форма», переводящегося как «вид». — Шлиман внимательно обводит нас взглядом. Его рука скользит по лысеющей голове, а прилизанные набок волосы отражают неоновый блеск экрана. — Некроформ. Не зомби, как вы любите говорить. Это слово из прошлого мира, и то существовавшего только в фильмах и книгах. Некроформы — вот кто наш главный враг! — Взгляд профессора устремляется в мою сторону и из-за очков кажется более грозным, чем на самом деле.

Я замираю, словно прикованная к месту. Внутри меня нарастает напряжение, как будто профессор сейчас выдаст нечто шокирующее, связанное со мной!

И в тот момент, когда я мельком улавливаю резкое движение его рук, он внезапно хлопает в ладоши и отрывает взгляд:

— На этом лекция окончена, дамы и господа! С завтрашнего дня курс продолжит читать мистер Генри.

— Скажите, профессор, а кто были те учёные, обнаружившие ЗЭД-1? Удалось ли им спастись? — спрашивает девушка с первого ряда.

— К сожалению, выжить удалось лишь одному эпидемиологу.

Свет в аудитории включается, заставляя всех зажмуриться.

Профессор, больше не отвечая на вопросы, разворачивается и уходит прочь, оставляя после себя удручающее чувство безысходности и предчувствие чего-то нового.

Не изменяя своей традиции, мы зависаем с ребятами после лекций в нашем излюбленном кафетерии на крыше нашего учебного центра. Широкая терраса выступает вперёд, превращая её в открытую смотровую площадку со стеклянным ограждением.

Но моё любимое место — это крыша ГИЦа. С неё небо кажется ближе, но горизонт за пределами городской черты не рассмотреть: он скрыт бетонным ограждением, как бы напоминая, в каком аду застрял этот мир.

Зато здесь, в кафетерии, золотая молодёжь так успешно делает вид, будто никакого внешнего мира не существует. Солнце заливает террасу теплом, а в воздухе пахнет сладкой выпечкой и зеленью расцветающих деревьев в кадках. Стерильный рай.

Десять минут назад к нам присоединились трое парней из младшей группы и теперь оживлённо обсуждают с Крей-

гом и Крисом предстоящую игру в гольф. Эмма и Сиенна увлечённо обмениваются свежими сплетнями. Не имея ни малейшего желания участвовать в этом ярмарочном тщеславии, я подхожу к прозрачному бортику и опираюсь на него локтями, всматриваясь в глубину.

С моей высоты отлично видно соседнее зеркальное здание и весь наш город, уходящий в пропасть ступенчатыми ярусами. Наш элитный уровень буквально купается в роскоши: панорамные окна во всю стену, ухоженные островки садов на балконах. На фасаде напротив, словно пауки, висят на тросах мойщики — соскабливают пыль с зеркальных панелей, чтобы ничто не портило верхушке красивую жизнь.

Выглядит впечатляюще. Идеальная футуристическая сказка.

Перевожу взгляд ниже. На среднем уровне зелени уже почти нет — только унылые, строгие выступы без намека на роскошь. Пытаюсь разглядеть нижний уровень, но отсюда он кажется просто грязным серым мазком.

Интересно, а до них солнце вообще доходит? Или им за него тоже нужно доплачивать?

В этот момент со стороны выдачи заказов доносится весёлое улюлюканье.

— Эй, медичка! У меня тут экстренная ситуация ниже пояса! Требуется немедленная медицинская помощь! Во всем виноват твой милый халатик!

Оборачиваюсь на шум и вижу Лиззи, стоящую возле стой-

ки в окружении таких же серых мышек, как она.

— Брось, Дрейк! Скелет не может тебя возбуждать! — откликается кто-то, и в кафетерии раздаётся оглушительный смех.

Лиззи бледнеет, цвет её лица сливается с тоном халата. Она отпускает плечи, вся скукоживается, словно пытается раствориться. Остальные серые мышки уже это сделали. Лиззи хватает пять упаковок яблочного штруделя и устремляется в сторону выхода.

Хмурю брови. Для чего ей так много сладкой выпечки?

В голове всплывает вчерашнее приглашение. Посиделки в честь её повышения.

Вот и поздравили малышку.

Провожая взглядом её худую фигурку и возвращаясь за столик.

— Кстати, вы слышали, что в Гимлеон приезжает представитель...

Очередная сплетня от Эммы навевает уныние. Поэтому нахальным образом перебиваю её пустую болтовню, обращаясь сразу ко всем:

— Кто-нибудь мечтал выйти за Стену города? — с ухмылкой обвожу взглядом друзей, читая в их глазах смесь недоумения и любопытства. — Допустим, за острыми ощущениями?

— Детка, тебе ли не знать, что в этих стенах нет ворот, — обеспокоенно отзывается Рон. — Ни войти, ни выйти. Если

тебе не хватает адреналина, то мы можем найти его и здесь! Но не за пределами Гимлеона, где рыщут голодные некроформы.

— А как военные покидают Гимлеон и возвращаются обратно? — спрашивает Эмма, удивлённо хлопая ресницами.

— У военных свои шлюзы. А главный технологический проход, который заложили ещё при строительстве Гимлеона, давно запечатан, — с досадой произносит Крис и недовольно морщится. — Чтобы его открыть, требуется единое согласование всего Совета и подтверждение Новы. Паранойя высшей марки.

— И слава богу! — фыркает Рон и многозначительно смотрит на Криса. — Только представьте, если какому-нибудь идиоту... вроде тебя... взбредёт в голову прогуляться за Стену и случайно привести за собой целую армию некроформов!

— Да и плевать на этот выход! — испуганно пищит Эмма, прижимаясь к Крейгу. — Мне и в Гимлеоне отлично живётся. Чтобы я пошла тусить по помойкам за стенами вместе с зомби? Брр... Увольте!

Крейг прищуривается, прожигая меня взглядом.

— Астрид, к чему ты клонишь?

Ну наконец-то кто-то созрел для вопроса.

— Вчера отец сообщил, что военная база обнаружила какую-то лабораторию. Он должен отправиться туда. Я пойду с ним.

— Решила поиграть в благотельницу? — кривит губы он.

— Не льсти мне. Просто хочу проучить одну выскочку из военного отряда. Лёгкая провокация, маленькая шалость, не более.

— Потягаться с военными? Звучит интересно, — на лице Крейга расцветает азартный оскал. Он всегда был любителем подобных игр.

Откидываюсь на спинку стула, самодовольно улыбаясь:

— Как думаете, мне пойдёт военная экипировка?

— Это чистое безумие! — качает головой Рон. — Ты хоть представляешь, что тебя ждёт за пределами Гимлеона? Один некроформ — и от твоей шалости ничего не останется. Будь осторожна, детка.

Мысленно усмехаюсь. Неужели, Рон? А ваша игра в гольф — это ли не безумие? Или кишка тонка представить себя вне тепличных условий?

Практичный, осторожный, до мозга костей преданный Гимлеону. Точнее — Совету. Его тревога кажется мне жалким фарсом.

— Не будь таким пессимистом. Я еду с военными и буду в безопасности.

Все мы здесь лицемерны. Лжём. Плетём интриги. Играем роли. И я — не исключение. В головах моих друзей даже не мелькнула мысль о моём искреннем стремлении разделить с отцом тяготы и радости грядущей экспедиции. Они видят во

мне лишь своё отражение.

Что ж, все это с моей стороны, конечно, прекрасно и благородно, вот только как убедить упрямого папу взять в самое пекло этого безумия меня, а не Ханну?

Сейчас главное — отец. Его шаткое, хрупкое состояние. Он может сломаться в любой момент, и тогда военные, не ведавшие о его состоянии, могут запаниковать и бросить его на произвол судьбы. Я не позволю. Папа должен вернуться из этой экспедиции. Вернуться живым.

После лекций, полная нетерпения, я направляюсь в ГИЦ поговорить с отцом, а в идеале — убедить его взять меня в экспедицию. Конечно, есть ещё Ханна. Но я не уверена, что мистер Нил отпустит её. Она гораздо нужнее на своей вертикальной ферме.

Вчера семейный ужин прошёл в гробовом молчании. Все были погружены в свои мысли. Я видела, как хмурая складка залегла между бровей Ханны, замечала отсутствующий взгляд отца, словно его мысли уже обитали в той заброшенной лаборатории.

Толкаю дверь папиного кабинета. Как и ожидалось, он в лаборатории, куда меня по соображениям безопасности не пустят. Да и я сама туда не стремлюсь.

Хмыкаю. Парадокс: я боюсь находиться рядом с патогенами в лаборатории, но спешу оказаться по ту сторону стены, где земля кишит некроформами.

Прохожу, сажусь на маленький диванчик и сбрасываю с

ног туфли. Какое наслаждение размять пальцы и зарыть их в пушистый ворс ковра. Откидываю голову на спинку диванчика.

Даже здесь, в кабинете, у отца царят чистота и порядок. Все папки с документами аккуратно разложены по цветам. Остро заточенные карандаши лежат перпендикулярно ручкам. На стеллажах на равном расстоянии друг от друга размещены модели клеток и старинные микроскопы.

Долго ждать мне не приходится. Дверь рядом со стеллажами открывается. Смотрю на папу и приветственно машу ему, обуваюсь и встаю с дивана.

— Дочка, что-то случилось? — растерянно смотрит отец, слегка нахмутив брови.

— Пап, ты забыл снять защитные очки, — улыбаюсь я и пальцем указываю на них.

— Ой... Я перепугался, когда оповестили, что ты тут. Вот и поспешил, — смущенно оправдывается папа, снимает лабораторные очки и засовывает их в большой карман халата.

— Экспедиция... — начинаю я.

Но папа перебивает:

— Милая... — устало вздыхает, направляется к своему креслу и тяжело опускается в него. Трёт переносицу, словно пытается прогнать головную боль. — Я еду один. Без вас. Час назад приходила Ханна и сообщила, что не сможет отправиться со мной — на экоферме какой-то завал.

Мысленно ликую и напеваю оды мистеру Нилу. Вопрос с

Ханной решен. Осталось уговорить отца.

Я придаю своему лицу вид искреннего сожаления:

— Ну, пап, есть же я...

— Это слишком опасно, Астрид. Я не могу подвергать тебя риску.

— Обещаю быть осторожной. Никуда не лезть и держать-ся рядом с тобой.

Отец молчит и сверлит меня взглядом.

— Пап... Я понимаю твои опасения, — продолжаю, стараясь говорить как можно убедительнее, — но подумай, какая это возможность для меня! Я смогу всё увидеть своими глазами. Тот мир, о котором вы с Ханной так много рассказывали. Это шанс, который выпадает раз в жизни.

— Астрид, от того мира мало что осталось. И потом... — он смотрит на меня с сомнением, — тебя ведь никогда не интересовал мир по ту сторону стены. С чего вдруг такое рвение?

Чёрт! А ведь и правда, почему он меня никогда не интересовал?

— Это было раньше, пап, — тихо говорю, стараясь вложить в голос всю искренность, на которую способна. — Но теперь я чувствую, что мне нужно что-то большее. Что-то настоящее. Я хочу прикоснуться к истории, к открытиям. К чему-то, что изменит мою жизнь! Я... просто хочу понять, чего я на самом деле хочу от жизни, пап. Понять, кто я есть.

Отец едва заметно вздрагивает, но тут же берёт себя в ру-

ки, напустив на лицо серьёзное выражение. Но я успела заметить эту мимолётную дрожь. Что его так смутило в моих словах?

— Хорошо, я согласен, — вдруг говорит он.

Хочу броситься ему на шею, но вовремя себя останавливаю — папа не любит частый телесный контакт. Да и я должна выказать ему свое сожаляющее понимание и не спугнуть его внезапную податливость.

— Только, пожалуйста, не говори об этом Ханне, — строго предупреждает отец. — Пусть она пока остаётся в неведении. Я скажу ей, что отложил свою кандидатуру. Сам решу, когда ей сказать.

Ох, боюсь представить, что произойдет, когда она узнает правду. А долго скрывать не получится.

— Конечно, пап, как скажешь, — поспешно отвечаю. — Всё будет так, как ты решишь. Значит, завтра отправимся в эту твою лабораторию?

— Милая, эта лаборатория расположена на границе бывшей Финляндии. Чтобы добраться до неё, потребуется несколько суток. Кроме того, нас не выпустят за Стену без разрешения.

— Как это? Не понимаю...

— Прежде всего нам нужно подготовиться, пройти инструктаж. Военные могут не пропустить за Стену, если решат, что мы не готовы.

Что? Какая ещё нафиг подготовка?

Глава 5

В городских лабиринтах редко встретишь человека в военной форме. Они не разгуливают по городу, тем более не оскверняют своим присутствием высшие уровни. Мы их зовём смертниками, они нас — зажавшимися трусами. Они ненавидят нас за привилегии, мы их — за отсутствие браслетов. Справедливый обмен.

Четыре военные базы, расположенные по углам Гимлеона, словно титанические скобы создают вокруг города мощный глухой щит, оставляя нас в неведении о том, что творится за Стенами.

На северо-западном углу расположена база Вестур — цепной пёс генерала Ремарка. Там служат те, кто душит бунты, вырывает людей из жилых блоков посреди ночи и охраняет покой Совета и главы города.

Северо-восточный угол принадлежит Норду. Они занимаются зачисткой территорий. Именно там базируется элитный отряд «Химера».

Ещё две базы — Ауст и Судур. Ауст контролирует карантинные зоны внутри периметра, Судур ведёт дальнюю разведку в мёртвых городах.

У смертников могут быть разные приказы, разные майоры. Но цель одна — держать Стену на замке.

Бойцы живут в отдельном жилом секторе, не относящем-

ся ни к одному уровню города. Изредка слышим упоминания о военных в новостных сводках. Однако кто из нас действительно уделяет внимание этим сообщениям?

Мы с папой договорились встретиться на военной базе Норд через полчаса.

В платье явиться на базу было бы неуместно. Останавливаю выбор на кожаных облегающих брюках и хлопковом топе. Волосы собираю в высокий хвост. Поверх топа накидываю удлиненный жакет. Ещё раз придирчиво осматриваю себя. Топ оголяет живот и приподнимает грудь. Изящный образ с ноткой чувственной сексуальности.

Иду по широкому светлому вестибюлю нашего жилого сектора. Достигнув холла, смотрю на множество лифтов. Захожу в один из них, и стеклянная капсула везёт меня прямоком на базу. Спустя пару минут раздаётся громкий сигнал, и следом из динамиков доносится вежливый голос встроенного оператора:

— Добрый вечер. Вы находитесь на первом уровне города на территории военной базы «Норд». Если вы по каким-либо причинам оказались здесь случайно, то не беспокойтесь. Пожалуйста, нажмите на красную кнопку, и с вами свяжется наш оператор, который поможет скорректировать маршрут и направит в нужное место. Гимлеон благодарит вас за сотрудничество и желает вам прекрасного настроения.

Створки двери разъезжаются, и передо мной предстает открытое пространство. Я ожидала, что окажусь в светлом уют-

ном холле, как в генетическом центре. Вечерний воздух холодит кожу. Пока я шла, успела снять жакет, поэтому надеваю его обратно.

Здесь на самом деле так темно, или это сумерки так быстро опустились?

Кручусь на месте в поисках нужного направления и прислушиваюсь к тишине. Прохожу чуть вперёд, совершенно не понимая, где оказалась. Может, я все-таки заблудилась?

Внезапно взгляд останавливается на огромной бетонной стене с железными воротами в центре. Вот и объяснение тому, откуда взялось ощущение, будто наступила ночь. Для чего это сооружение? Это даже близко не внешняя стена города.

У массивных ворот стоят трое постовых. Настороженные и готовые действовать в любой момент. Я направляюсь в их сторону — они на меня уже обратили внимание.

— Мисс, вы явно ошиблись. Прошу вас, вернитесь к лифту и нажмите красную кнопку, — прерывает тишину строгий голос одного из постовых.

— Я пришла на сбор участников экспедиции.

Слова повисают в воздухе. Во взглядах военных суровость сменяется легким удивлением. Один с сальной улыбкой оценивающе проходит взглядом по моей фигуре.

— Ваша фамилия, мисс? — спрашивает другой.

Видимо, он тут главный.

— Астрид Вендель, — уверенно представляюсь. И для

убедительности добавляю: — Я сопровождаю Ганса Венделя в экспедиции.

Военный проводит пальцем по экрану планшета с явным недоверием. Его коллеги обмениваются насмешливыми взглядами.

Да в чем дело, черт возьми?! Первый раз увидели девушку?

— Пол, да она, похоже, перепила и забрела не на ту вечеринку. Цыпочка, это военная база, — бросает мне постовой с усмешкой.

Нахмутив брови, так называемый Пол сосредоточенно вглядывается в дисплей.

— Да нет, девушка говорит правду. Ганс Вендель действительно в списке. — Опуская планшет, он смотрит на меня, приподняв бровь. — А вот вас, мисс, в этом списке нет.

Ну конечно! Это же было совершенно предсказуемо! Отец слишком поспешно дал согласие — это сразу же должно было меня насторожить! А я, дура, радовалась, что не пришлось его долго уговаривать.

— То есть как меня нет в списке? — тем не менее не подаю вида. — Это невозможно! Отец должен был ещё вчера включить меня в список! Проверьте! Проверьте ещё раз внимательно! — требую, высокомерно выпрямляясь.

— У-у-у... Я же говорил, — качает головой с насмешкой постовой. — Дальше будет качать права, сыпать оскорблениями... Цыпа, лучше иди отсюда! Иначе мы сами затолкаем

тебя в лифт.

— Я бы с удовольствием проехался с ней на лифте, — облизнув губы, говорит тот, кто сально изучал моё тело.

— И не мечтай, урод! — показываю ему средний палец. — Я требую перепроверить список. Я дочь Ганса Венделя! Отсканируйте мой идентификатор, если сомневаетесь. Проверьте! — требую, протягивая дрожащую от ярости руку Полу.

— Ну что я говорил. Такие, как она, вечно чего-то обкурятся и лезут на нашу базу, как будто здесь развлекательный комплекс. Жить в своем пузыре им уже неинтересно, вот и ищут приключений.

— Хватит разговаривать так, будто меня здесь нет! — рявкаю я на умника. — И вообще, вы мне уже надоели!

Я протискиваюсь мимо этих тупых аборигенов, чтобы открыть железную дверь и попасть внутрь. Мне нужно найти отца и выяснить, что происходит. Неужели он и правда намеренно не включил меня в список? Не желает подвергать опасности? Черта с два он отправится в эту лабораторию один!

— Эй, куда пошла?!

— Стоять! — гремят хором голоса за спиной.

Я только успеваю потянуть дверную ручку на себя, но она ни черта не поддается. В этот момент меня грубо хватают за рукав жакета, и я слышу треск ткани. Чьи-то руки обхватывают меня за талию и приподнимают.

— Не смей меня трогать, урод! — кричу.

Меня действительно тащат к лифту. Я пытаюсь вырваться, расцарапывая кожу на руках схватившего. Меня грубо ставят на землю и заламывают руки за спину. Пинаюсь. Мечтаю кому-нибудь из военных выколоть глаз каблуком.

— Серьезно? Трое на одну девушку? У вас, парни, похоже, крупные проблемы! — Насмешливый голос останавливает сторожевых псов.

Как только хватка ослабляется, я дергаюсь и вырываюсь. Резко оборачиваюсь и вижу внушительного парня — охранники значительно уступают ему в росте. Длинные светлые волосы собраны в хвост на макушке, по бокам выбриты виски. В темноте невозможно разглядеть цвет глаз, но отчётливо видно небольшую светлую бороду. Взгляд великана полон насмешливых искр. Обтягивающая чёрная футболка подчёркивает мускулы. Брюки с карманами по бокам и, конечно же, высокие зашнурованные ботинки.

— Она нарушила правила. Утверждает, что член экспедиции, но в списке её нет. Очевидно, она намеревалась пробраться на базу незаконно.

— Мне всего лишь нужно найти отца, чтобы подтвердить мои слова! — рычу я на того, кто проверял списки.

— Вход на базу без соответствующего разрешения строго запрещен!

— Ладно, парни, не врубайте тревогу. Она пойдет со мной. Найдем её папашу и разберемся на месте. Делов-то. Я

за неё отвечаю.

Облегченно вздыхая, с губ слетают приглушенные слова:
— Неужели в этом гадюшнике кто-то способен адекватно мыслить?

Мой взгляд падает на порванный рукав жакета, и я, ненавистным взглядом смотря на постовых, снимаю его. Мгновенно чувствую вечернюю прохладу, остужающую нервы и кровь.

Военные затыкаются, выпучив глаза. Раздаётся восхищенный свист моего мнимого спасителя:

— Знаете что, парни? Если через час не вернусь, то смело списывайте меня в расход. Но знайте: я умер счастливым! Сладкой насильственной смертью!

Подхожу к самому болтливому из них, который утверждал, что я перепила или что-то в этом духе, с презрением пихаю ему в руки свой разорванный жакет:

— Это вам на память! Не скучайте, мальчики.

Подмигнув им напоследок, иду вслед за светлым великаном. Он прикладывает ладонь к сенсору. Секунда на считывание — и ворота с тихим щелчком разъезжаются в стороны. Мы одновременно входим... в пустое пространство? Таращусь на своего сопровождающего в ожидании ответа на немой вопрос.

Приподнимая густые брови, он одаривает меня добродушной усмешкой:

— Неужели ты думала, что за этой дверью тебя сразу ждёт

база? — иронично поддевает он.

Теперь, при ярком свете, я могу рассмотреть цвет его глаз — льдисто-голубой, как осколок ясного неба в пасмурный день. Мелкие морщинки вокруг глаз выдают его привычку смеяться. Борода визуально прибавляет возраста. Но вот это озорство в глазах смягчает образ.

— Ты знаешь, где проводится собрание участников? — игнорирую его вопрос.

— Не каждый день на нашей базе появляются такие девушки, как ты, — великан бесцеремонно обхватывает мою правую руку своей лапищей и приподнимает. Прищурившись, он разглядывает мой браслет. — Вернее, вообще никогда. Красивые огоньки. Я, кстати, Снор, а ты?

— Слушай, — резко одёргиваю руку. — Мне все равно, как тебя зовут. Найди моего отца или проваливай по своим делам.

— Ауч, это было больно! — приложив ладонь к сердцу, пытается изобразить страдальческое лицо. — Я все-таки тебя спас от пинка под зад — могла бы «спасибо» сказать!

Закатываю глаза и устремляюсь вперед. Тут нет развилок, и коридор должен куда-то привести. Слышу позади смешок и топот ботинок. Дойдя до очередной герметичной двери, вынужденно останавливаюсь. Разворачиваюсь и жду, когда человек с «волшебным» доступом соизволит меня пропустить.

Снор неторопливо подходит, хитровато прищурившись.

— А вот теперь — добро пожаловать на военную базу «Норд», — произносит он, снова прикладывая ладонь к дисплею, и заговорщически подмигивает мне, как будущему напарнику. — И, кстати, я разве не упомянул, что сам иду на этот сбор экспедиции? Нам по пути.

Я стою, замерев посреди огромной площадки, окруженной массивными стальными балками. Медленно скольжу взглядом по шершавым стенам и устремляю глаза выше, туда, где теряются очертания трёх ярусов. Вдоль стен тянутся пролёты и проходы с металлическими перилами. В глубине строения виднеются лестницы, ведущие на верхние этажи. Просторные проходы и высокие потолки подчёркивают масштабность сооружения. Теперь я воочию вижу военную базу Норд. Здесь время словно остановилось. Если на верхнем уровне города все пронизано высокими технологиями, то здесь царит атмосфера старого мира. Множество людей в униформе снуют туда-сюда.

Мой спутник, расправив плечи, энергично шагает вперед, весело выкрикивая шутки в адрес проходящих мимо военных. Ему приветственно машут, словно этот великан — местная звезда.

— Снор! Как жизнь на передовой?

— Провожу бессонные ночи, играя в покер с некроформами. Знаешь, с лицами у них не очень, но блефуют как боги! — отвечает Снор с ухмылкой.

Военный заходится в диком хохоте, словно услышал луч-

шую шутку в своей жизни, и, качая головой, идёт дальше.

— Эй, старина! Рад видеть тебя живым! Слышал, «Химера» снова устроила этим мертвякам ад на земле?

— Да, до сих пор по углам собирают свои протухшие мозги! — смеётся Снор и подмигивает.

Это странно. Я думала, что этот Снор пройдёт мимо, не задерживаясь для пустых разговоров, но он останавливается чуть ли не с каждым встречным и спрашивает, как у них дела. Это начинает раздражать.

— Слушай, а не мог бы ты идти быстрее? — не сдерживаю недовольство. — Не понимаю, зачем останавливаться и трещать на каждом углу!

Остановившись, он с интересом взирает на меня своими голубыми глазами, как будто я сморозила чушь.

— Я полагал, ты в курсе, в каком мире мы живем, — отвечает так, словно этим все сказано.

Тоже мне умник нашелся. Раздраженно фыркнув, я скрещиваю руки на груди, всем своим видом показывая, что не вижу связи между нынешним миром и его тупой приветливостью. Разве нам не нужно успеть на начавшееся уже давно собрание?

— Никогда не предугадаешь, когда увидишь этого человека последний раз, — продолжает умник, кивнув в сторону группы людей, которые, смеясь, обсуждают что-то в другом углу площадки.

Фыркнув снова и закатив глаза, иду вперед — сама найду

дорогу.

— Эй, притормози! — доносится до меня басистый смех.
— Мы уже пришли. Твой отец за этой дверью.

Остановившись, я смотрю на парня, указывающего большим пальцем на дверь позади него.

Снор игриво приподнимает брови и улыбается:

— Но если у тебя аллергия на важные совещания — могу устроить экскурсию по базе. Ну так как?

Усмехаюсь и толкаю дверь.

Глава 6

В небольшом кабинете вокруг овального стола сидят люди в белых халатах и что-то сосредоточенно вносят в свои планшеты. Возле сенсорного экрана стоят двое мужчин в военной форме. Один из них — тот, с кем я уже успела пересечься в генетическом центре. Его суровый взгляд молниеносно перемещается на меня.

— Итак, на сегодняшний день... — говорит мужчина средних лет и осекается, удивлённо уставившись на меня.

Его волосы с проседью коротко пострижены. Болотного цвета китель плотно обтягивает мускулистые руки, выдавая их силу, несмотря на возраст мужчины. Я не разбираюсь в званиях военных, но погоны на плечах говорят сами за себя — он явно занимает высокую должность.

Он переключает внимание на стоящего позади меня Снора, словно ждет у него объяснений о причинах моего наглого вторжения.

— Мисс, немедленно покиньте помещение, — звучит стальной голос капитана Санчеса.

Включаю полный игнор. Хватит с меня чужих приказов.

— Астрид? — слышу потрясённый голос отца.

Папа сидит во главе стола и выглядит ошарашенным моим появлением.

— О, прошу, не отвлекайтесь. Я чуточку опоздала.

Подхожу к столу и отодвигаю стул. Все сидящие за столом с любопытством наблюдают за мной.

— Могу узнать ваше имя?

Убираю руки со спинки стула и смотрю на военного, хмуриящего брови.

— Астрид Вендель. Сопровождающий и помощник Ганса Венделя в экспедиции.

Мужчина удивлённо переводит взгляд на моего папу.

Сверлю его настойчивым взглядом, а он смотрит на меня с сожалением. Я одними губами произношу по слогам «Ханна» — даю понять, что все расскажу ей, ставлю отцу ультиматум и приподнимаю бровь в ожидании ответа.

Поджимая губы в тонкую линию, отец кивает, подтверждая мои слова.

— Майор Хорнер, это моя дочь и мой помощник в экспедиции.

Ну наконец-то. Я уж собралась переживать. А с отцом мы обязательно потом поговорим...

Довольная, что все наконец-то решилось, я уже собираюсь сесть на стул, как меня снова отвлекают:

— Ваше имя не высвечивается в списках. Согласно протоколу, вы должны были пройти регистрацию и идентификацию ещё вчера, — недовольно цедит капитан Санчес.

Я окидываю его ленивым оценивающим взглядом, сколько по безупречным контурам мускулистого тела. Морщусь, всем видом демонстрируя, что его слова для меня —

пустой звук.

Глаза капитана темнеют. Кулаки сжимаются, а на красивом лице играют желваки. В этот раз он не излучает спокойствие. Его убийственные флюиды я ощущаю даже на расстоянии. Мысленно отмахиваюсь от них и обращаюсь к отцу с наигранно-невинным голосом:

— Пап, неужели ты забыл меня внести? Наверное, совсем заработался...

Он недоуменно смотрит на меня. Ну же, папа, не подведи.

— Ах да... конечно, мы буквально вчера приняли решение о её участии. Я весь день провел в лаборатории, и совсем из головы вылетело обновить список. Прошу прощения, капитан, — сочиняет на ходу отец.

Мы оба знаем, что он не забыл. Отец ничего не забывает. Он намеренно не включил меня в список, понадеявшись на то, что постовые не пропустят меня на базу.

С лёгким кивком улыбаюсь отцу, наконец сажусь за стол и обвожу взглядом присутствующих, на которых даже и не обратила внимания, и натыкаюсь взглядом на серую мышку. Мои брови удивленно ползут вверх. Лиззи? Вот уж кого не ожидала здесь увидеть. Игнорирую её глупый приветственный взмах рукой и перевожу взгляд на экран.

На нём отображается карта, на которой сверкают три красные точки. Две расположены недалеко друг от друга на северо-востоке, а третья на юге.

Майор Хорнер, окидывая взглядом собравшихся, продол-

жает собрание:

— Последние разведданные указывают на наличие уцелевших лабораторий в северо-западном регионе. Предположительно, в первые годы эпидемии там располагались военные исследовательские комплексы, где безуспешно пытались изучить поведение некроформов и разработать вакцину...

На экране вспыхивает зеленым зловещим светом кластер из трёх точек.

— ...Объект «S» находится в окрестностях некогда процветавшего Сурселе, в двухстах шестидесяти километрах отсюда...

— Подождите-подождите, — перебиваю я. — Вы хотите сказать, что три точки указывают на места, куда мы должны отправиться? Но речь ведь шла только об одной лаборатории... — С непониманием смотрю на папу.

Отец опускает глаза, избегая моего взгляда. Он даже это скрыл от нас с Ханной?! Но зачем?!

— Мисс Вендель, если это для вас слишком сложно и непосильно, то мы не станем вас задерживать. Вас проводят наверх, — произносит капитан, скрешивая руки на груди и тем самым ещё больше натягивая рукава своей футболки.

Его слова раздражают, и я бросаю на него злой взгляд. В этот момент майор привлекает моё внимание хриплым баритоном:

— Все верно. Все три точки, отмеченные на карте, являются заброшенными лабораториями. Точка «S» — это пер-

вая, в окрестностях Сурселе. Точка «М» — вторая, расположенная на территории Мальберггета. Третья точка «L» — о ней мы узнали совсем недавно. По старым картам, там должна располагаться городская лаборатория. Но, как говорится, чем чёрт не шутит. Нам нужна любая информация об этих тварях! После инструктажа вы отправитесь к точке «L» — она расположена недалеко от Гимлеона. Если все пройдет успешно, то вернетесь в этот же день.

— Когда отправимся к точкам «S» и «М»? — с нетерпением спрашивает молодой учёный. На табличке у груди высвечивается имя Тим. Пряди темных волос едва прикрывают торчащие уши.

— Как только вернетесь из первой лаборатории, — отвечает майор. — Возможно, уже на следующий день выдвинетесь на следующий объект. Капитан Томас Санчес командует отрядом «Химера». Он один из лучших бойцов. Его задача — обеспечить вашу безопасность и доставить вас в пункт назначения. И, разумеется, вернуть обратно в целости и сохранности. Вопросы?

— Майор Хорнер, скажите, на какой из территорий наблюдается наибольшее скопление некроформов? — звучит хрипловатый голос старого ученого Дэвида Финчера, папиного коллеги — я помню его.

— Точных данных, к сожалению, нет. На пути к лаборатории «S» вам предстоит незначительно затронуть зону, контролируемую другими, а делиться информацией они не спе-

шат. Но, по нашим предположениям, скопления там достигают критической массы.

— Но у нас есть препарат! Он сделает нас незаметными для некроформов! — выпаливает ещё один участник экспедиции, сидящий рядом с Лиззи.

Бросаю взгляд на его бейджик. Адам. Пшеничные волосы аккуратно уложены. На вид не больше двадцати пяти лет. Амбиции так и сверкают в его карих глазах.

— Не стоит уповать лишь на него, — отрезает майор. — Помните, на пути к лаборатории вас ждут не только некроформы. Дороги в ужасном состоянии, внезапно может разразиться ливень с градом, машины могут заглухнуть. Действие препарата быстро сойдёт на нет, и вы останетесь беззащитными. Не стоит всецело полагаться на невидимость.

Неожиданно Лиззи вскакивает с места и, нервно поправляя безупречно белый халат, робко лепечет:

— Капитан Санчес...

Все взгляды тут же переключаются на неё. Серая мышь решила привлечь внимание самого капитана?

— Говорите, доктор... — капитан бросает короткий взгляд на бейджик с именем, — Лиззи.

— А что, если... если мы найдём выживших? Кто-то ведь наверняка нуждается в помощи... Можем ли мы доставить их в Гимлеон?

— Вероятность встретить выживших ничтожно мала, доктор. Но если нам всё же посчастливится найти кого-то,

то следует исходить из худшего: они могут быть ранены, дезориентированы и заражены. Отвечая на ваш вопрос, доктор: нет, мы не можем доставить их в город. Мы не поисково-спасательный отряд! — строго чеканит капитан.

Воцаряется тишина, нарушаемая лишь монотонным гулом и доносящимся из-за двери приглушённым топотом армейских ботинок. Лиззи опускает голову, машинально заправляя за ухо выбившуюся прядь каштановых волос, и безвольно опускается на стул. Адам с искренним сочувствием в знак поддержки невесомо касается её плеча.

— Доктор Лиззи, понимаю ваше беспокойство, — кашлянув, говорит чуть мягче майор. — Но у нас нет ресурсов, чтобы предоставить убежище посторонним в Гимлеоне. Даже если они не представляют явной угрозы. Это жестоко, но необходимо. Сейчас мы должны сосредоточиться на выполнении поставленной задачи.

Обвожу взглядом притихшую группу. Военные слегка сбили спесь с самоуверенных учёных. Больше никто не решается задавать вопросы. Один из группы с именем Питер, кажется, вот-вот испарится под тяжестью сверлящего взгляда капитана Санчеса. Майор Хорнер жестом указывает на дверь.

— Сержант Снор. Отряд «Химера». Один из лучших бойцов внешнего контура и эксперт по тактическому бою. Он будет отвечать за ваш инструктаж, — заключает командир базы.

Я уже и забыла о Сноре. Поворачиваюсь.

Он кривовато улыбается мне из своей бороды и подмигивает. Слегка повернувшись к ученым, с лукавой искоркой в глазах одаривает их шутливым театральным поклоном. Не выдерживаю и расплываюсь в широкой улыбке при виде этого великана. Непривычно видеть столь устрашающего громила с почти детской искренней улыбкой на лице.

Чувствую прожигающий взгляд. Резко оборачиваюсь к тому, кто смотрит на меня. Наши взгляды сталкиваются в молчаливом противостоянии, как было уже в процедурном кабинете.

Мы с отцом направляемся в ГИЦ после того, как собрание на военной базе закончилось. Папа идёт чуть впереди, заметно сгорбившись, словно вся тяжесть грядущей экспедиции разом опустилась ему на плечи. Я молча слеую за ним по бесконечным коридорам. Тяжёлая дверь со свистом отсекает нас от гулкого шума, и наступает другая тишина. Напряжённая.

Отец доходит до своего стола и как-то обречённо опускается в кресло. Я остаюсь стоять. Вглядываюсь в его лицо и только теперь замечаю, до чего же он измождён. Под глазами залегли тёмные мешки, на лбу прорезалась резкая складка, а пальцы, лежащие на подлокотниках, едва заметно подрагивают.словно он неделями изводил себя мрачными мыслями.

— Пап, что происходит? — тихо спрашиваю я. — Почему ты не внёс меня в списки?

Он тяжело вздыхает и машинально снимает очки, принимается протирать их салфеткой. Этот жест я знаю наизусть. Папа просто оттягивает время, пытаюсь собраться с духом.

— Какой из меня отец, если я собственную дочь буду толкать в это пекло? — наконец глухо произносит он. В его карамельных глазах, обычно тёплых и живых, плещется отчаяние. — Прости меня, милая... Прости за эту ложную надежду. Я искренне думал, что ты развернёшься и уйдёшь, когда тебя не пропустят на посту.

— Три лаборатории, пап, — качаю я головой, чувствуя, как обида сжимает горло. — Ты скрыл, что точек три, а не одна. Соврал нам с Ханной. И об экспедиции ты знал давно... а сообщил только вчера.

— Я лезу туда, потому что это мой долг. Как учёного. Как человека, который ещё может что-то исправить. Но ты... Ты должна была остаться здесь. В безопасности. Рядом с Ханной.

Картинка в голове мгновенно складывается, и я горько усмехаюсь:

— Значит, мистера Нила тоже ты подговорил?

Отец замирает, уставившись на очки в руках, а затем опускает плечи.

— Да. Я уговорил его нагрузить Ханну работой и ни под каким предлогом не отпускать с вертикальной фермы. Пы-

тался вас защитить. Оставить в Гимлеоне... Но в итоге сам беру тебя с собой. Своими руками подвергаю смертельной опасности.

— Пап, неужели ты думаешь, что я смогла бы спокойно сидеть в городе? — я делаю шаг к столу. — Зная, что ты где-то там, среди этих тварей, и я ничем не могу помочь?

— Знаю, милая, знаю... — выдыхает он. Папа наконец оставляет в покое линзы, надевает очки и поднимает на меня влажные, полные боли глаза. — Но и ты меня пойми. Вы с Ханной — всё, что у меня есть. Самые дорогие люди. Я бы никогда в жизни не простил себя...

Он не договаривает, сглатывая комок. Не могу больше выносить его несчастный потерянный вид, будто мысленно он уже со мной попрощался.

Я обхожу стол, бросаюсь к нему и крепко обнимаю со спины, утыкаясь носом в плечо. Зажмуриваюсь, судорожно вдыхая родной запах. Резкий аромат стерильных растворов, въевшийся в его одежду, отступает, уступая место едва уловимому знакомому с детства домашнему теплу.

— Пап, я иду туда не ради науки. И уж точно не ради ад-реналина, — шепчу, и голос на секунду срывается. — Я иду, чтобы помочь тебе.

Отец издаёт короткий слабый смешок и едва заметно качает головой, поглаживая мои руки.

— Астрид... Там со мной будет целый отряд профессиональных военных. Капитан Санчес...

— Военные выполняют приказ, — жёстко отрезаю я. — Им прикажут отступить — и они отступят. А я люблю тебя. Это надёжнее любого устава. Мы пойдём туда вместе, папа. И вернёмся вместе. К Ханне. Слышишь меня?

— Моя глупая смелая девочка... — шепчет он, и накрывает мою ладонь своей, сжимает слегка. — Обещай мне, Астрид... Поклянись, что при малейшей опасности ты будешь слушаться беспрекословно. Никакой самостоятельности.

— Обещаю.

Отец долго молчит, и я чувствую, как его дыхание под моими руками выравнивается. Напряжение, сковывавшее его плечи, уходит. Он мягко похлопывает меня по ладони:

— Ладно, — хрипло усмехается. — На сегодня сентиментальности хватит. Нам обоим нужно выспаться перед завтрашним инструктажем.

Я нехотя отстраняюсь, натягивая привычную безмятежную маску.

— Это кто ещё из нас сентиментален, пап? — подкалываю его, отходя к двери. — Всё, я побегу. Мы с Сиенной договаривались встретиться у бассейна, пока его не закрыли на техобслуживание.

Отец слабо, но уже гораздо спокойнее улыбается в ответ. Взгляд его становится собранным.

— Иди. А я задержусь. Нужно ещё раз перепроверить списки оборудования.

Я посылаю ему воздушный поцелуй и выхожу в кори-

дор. Но едва дверь закрывается, улыбка мгновенно исчезает. Прислоняюсь к стене и закрываю глаза.

Моё обещание было ложью. Если судьба потребует отдать жизнь за него — я отдам, не задумываясь. И никакой капитан Санчес со своими правилами меня не остановит.

Потому что *семья — это единственное, ради чего стоит сражаться в этом умирающем мире.*

К роскоши привыкаешь пугающе быстро. В какой-то момент все эти мраморные колонны, безупречный сервис и закрытые спа-комплексы начисто перестают восхищать. Они превращаются в банальный фон, в скучную данность, в воздух, которым дышишь просто потому, что твоя фамилия значится в правильных списках.

Сиенна плавно скользит по зеркальной глади воды в бассейне. Интересно, смогла бы она адаптироваться к Нижним уровням, лишившись в один миг своего статуса?

Существует поговорка: «Тяжёлые времена рожают сильных людей». Судя по золотой клетке, в которой мы живём, наши времена до неприличия лёгкие, несмотря на апокалипсис за стеной. А значит, мы — потрясаяще изнеженные и совершенно бесполезные создания. Впрочем, человек удивительно гибок, способен выжить в любом дерьме.

Глубже вдавливаюсь в мягкие подушки шезлонга и закрываю глаза, заставляя мысли раствориться в шуме фильтра для воды.

— Астрид, ты сама не своя после собрания на базе. Что случилось? — внезапно разрывает тишину голос Сиенны.

Слышу тихий всплеск и приоткрываю веки. Сиенна подплывает к ступенькам и поднимается по ним. К ней тут же подскакивает парень в зелёной униформе персонала и суетливо протягивает пушистое полотенце. И как бы он ни старался смотреть себе под ноги, взгляд так и соскальзывает на точёную фигуру Сиенны в белом полупрозрачном от воды купальнике.

Вспомнив адресованный мне вопрос, я неохотно отзываюсь:

— Ничего особенного. Капитан «Химеры» решил, что ему можно указывать мне, что делать. Кстати, ты в курсе, что Лиззи тоже едет в экспедицию?

Сиенна берёт полотенце и, махнув рукой парню, произносит не терпящим возражений тоном:

— Пошёл прочь, недоразумение.

— Мисс Делани... — парень бледнеет, в секунду теряя всю похоть. — Вы чем-то недовольны? Позвольте, я приглашу другого специалиста... Я сейчас же...

Конечно, кто захочет лишиться работы? Особенно когда твоя клиентка — сама мисс Делани-младшая, чья матушка — влиятельный член городского Совета и управляющий ГИ-Ца.

— За дверь.

Парень исчезает так стремительно, будто его и не было.

Сиенна, не глядя, накидывает полотенце на плечи и опускается на соседний шезлонг.

— Итак... Значит, серая мышка и капитан? — с ухмылкой уточняет она. — Это то, что тебя гложет?

— Не смейся, — фыркаю в ответ. — Серая мышка на то и серая, чтобы оставаться блёклой в моём сознании.

Голубые глаза подружки вспыхивают пониманием. Она ленивым жестом откидывает мокрые волосы назад и тянется к столику за охлаждённым коктейлем.

— А зря, — встряхивая лёд в бокале, отмечает она. — Я заметила, как она украдкой бросает на нас взгляды... Взгляд, полный обожания, словно оленёнок смотрит на своего небожителя. Может, бедняжка просто ждёт, когда ты снизойдёшь до неё и позовёшь в наш круг?

— Мне плевать, какой у неё взгляд и чего она там ждёт.

Не отрывая от меня взгляда, Сиенна хмыкает, делает глоток и возвращает бокал на место. Она садится прямо, поправляя лямку купальника, и смотрит на меня в упор. Тем самым взглядом, который всегда предвещает неприятности.

— Тогда предлагаю немного развлечься. Устроим ей небольшой розыгрыш... чтобы девочка раз и навсегда поняла своё место. После этого она будет обходить нас за километр.

— Не трогай её, — жёстко отрезаю я.

Брови Сиенны удивлённо взлетают вверх. Поняв, что проявляю лишние эмоции, я тут же смягчаю тон и спокойно до-

бавляю:

— Мышка — не проблема. Тем более уже есть одна смертница, которую стоит проучить за дерзость.

— Кстати, о ней... — откидываясь на спинку шезлонга, говорит Сиенна. — Зачем все эти сложности? Экспедиция, база, инструктаж... Ты ведь могла попросить Эмми. Её отчим — генерал Ремарк, он бы быстро нашёл «подходящее» наказание для лейтенанта Райт.

— Слишком примитивно и скучно, Сиен. Твой ум способен на большее.

Она прищуривается, на губах играет опасная улыбка.

— Или дело вовсе не в лейтенанте Райт? Тебя никогда не трогали выпады каких-то недоразумений. Может, тебя просто нестерпимо влечёт к капитану Санчесу?

— Ты судишь по себе, Сиенна, — цинично ухмыляюсь, поднимаясь с шезлонга. — Это тебя вечно тянет на дешёвые интрижки с обслугой ради порции адреналина. Так что умерь свою фантазию — она уводит тебя куда-то не туда.

Сиенна уязвлённо передёргивает плечами и демонстративно отводит взгляд.

Вздохнув, я иду к гидромассажному мини-бассейну, скрытому за перегородкой. Разворачиваюсь и смотрю на свою внезапно притихшую подругу.

— Ты идёшь? — спрашиваю с усмешкой, стараясь разрядить атмосферу.

Сиенна поднимает голову и, поразмыслив пару секунд,

встаёт.

Глава 7

Мы стоим в огромном зале военной базы. Группа состоит из семи человек. Мой отец и Дэвид Финчер, вне всякого сомнения, являются её неформальными лидерами. Ну и, конечно, молодые специалисты, подающие надежды в области генетики, не остались в тени — Тим, Адам, Питер и Лиззи. На их лицах читаются амбиции и надежды на открытие чего-то неизведанного. Ну и я собственной персоной — седьмой человек. Мы с серой мышью Лиззи разбавляем эту мужскую компанию.

Утром нам выдали форму. Стоит говорить о том, как яро я отказывалась от неё? Это же издевательство над моей нежной чувствительной кожей! Не могу избавиться от ощущения, что ткань колет и царапает кожу.

Опускаю глаза и, хныча, осматриваю униформу. Со словами «Милочка, у прачечной сегодня санитарный день. Вот все, что есть. И не забудь принести обратно» мне всунули этот комплект одежды и захлопнули дверь перед самым носом.

Брюки-карго на два размера больше, и даже ремень не может спасти меня от их постоянного сползания. Смотрю на свою футболку и стараюсь не вдыхать благоухающий запах предшественника. Она явно мужская, и мне кажется, что её сняли с солдата, который только что завершил утреннюю

пробежку. Кривлюсь. В ноздри все равно проникает смесь мужского пота и оттенков шлейфа мускатного ореха. Это ощущение создает странное впечатление, что кто-то вторгается в мою индивидуальность, заявляет на меня права, насильно сплетая мой запах со своим.

Я стою позади остальных и не спеша рассматриваю помещение. Снор гордо представил его как малый зал для рукопашного боя. Со всех сторон стоят манекены и висят боксерские груши. Два ринга, один поменьше другого. В этом зале никого нет, тут скучно. Даже речь Снора кажется монотонной и усыпляющей. Я невольно зеваю, прикрывая рот рукой и стараясь скрыть скуку. Отец бросает на меня укоризненный взгляд. Ладно, нужно хотя бы сделать вид, что слушаю. Прибавляю шаг и стараюсь придать лицу выражение заинтересованности.

— ...никакой паники, — говорит Снор, — действуем быстро и слаженно. Передвигаемся бесшумно...

— Но если нас будут атаковать некроформы, что делать? Стрелять во всё, что движется? — выпаливает Тим, демонстрируя, как мне кажется, вершину своей глупости.

Фыркнув, бормочу под нос:

— Лучше уж сразу пустить себе пулю в лоб. Так надёжнее.

— Ваша главная задача — следовать нашим указаниям! — гремит четкий властный голос прямо за моей спиной, заставляя вздрогнуть от неожиданности.

Замираю, не оборачиваясь, безошибочно определяя обла-

дателя этого голоса. Томас Санчес. Стоящие впереди участники провожают взглядом внушительную фигуру капитана. Он делает несколько решительных шагов и встает рядом со Снором, убрав руки за спину.

— Ваша задача — не превратиться в обузу для нас при столкновении с некроформами! Первое правило — ни при каких обстоятельствах не разделяться! Никаких истерик, воплей, попыток бежать, прятаться, а уж тем более нам помогать. Ваша непредсказуемость может создать хаос и поставить под угрозу всю операцию, — чеканит капитан Санчес, сверля меня взглядом.

Это уже похоже на затянувшуюся игру в гляделки, и меня это начинает бесить. Он беглым взглядом окидывает моё облачение, задержавшись на футболке. Строгое лицо ещё больше мрачнеет.

— Правило второе — никакой самонадеянности! Только беспрекословное подчинение! Исполнение команд — сию же секунду! Сказали стрелять — стреляете, не раздумывая! Сказали лечь — вы должны лечь и замереть! Если прозвучит команда «эвакуация» — это значит «эвакуация» и никаких «а что, если...». Правило третье — ваше самое безопасное место — рядом с военным. Если кто-то отстал, ранен или укушен — не вздумайте играть в спасателей! Сообщите нам, и мы примем решение.

— И самое важное, — мрачно произносит Снор, отчего-то посерьёзнев. — Если вам кажется, что что-то не так...

скорее всего, так и есть.

Капитан Санчес хмурится и обращает взгляд на Снора, выражая недоумение и немой вопрос.

— Ну а что? — Снор разводит руками, изображая на лице вселенскую мудрость и одновременно намекая на вселенскую глупость окружающих. — Так ведь поступают придурки из дешёвых ужастиков: вечно суются в тёмные углы на подозрительный шум. И обязательно с идиотским вопросом: «Эй, кто здесь?» И кто после этого удивится, что их жрут зомби? Да они же просто «санитары леса» — избавляют мир от идиотов!

— Не пытайтесь укрыться в подземных тоннелях или заброшенных зданиях! Сирены только и ждут вас в тёмных местах, — предупреждает капитан Санчес.

— Сирены? — недоумённо выдыхаю я, нахмутив брови.

Капитан Санчес бросает на меня тяжёлый взгляд, подчеркивая серьёзность ситуации.

— Самая редкая и опасная тварь среди всех некроформов. Этой мутации подвержены только женщины, да и то лишь те, кто заражён более десяти лет.

— Я знаю про мутацию, — резко говорю я. — Я имею в виду, почему вы их прозвали Сиренами? Это же из мифологии.

— Это первые мутировавшие некроформы, обретшие подобие речи, — отвечает отец, поправляя очки на переносице. — Конечно, это не речь в человеческом понимании. Они

способны издавать сложные звуковые сигналы, с помощью которых координируют остальных некроформов и буквально натравливают их на цель.

— Значит, в этой мерзости есть что-то вроде разума? — спрашиваю я, невольно потирая шею, пытаюсь избавиться от липкого страха.

— Не разума, как у нас, Астрид, — вклинивается Лиззи. — У них он скорее коллективный, извращённый. Но то, что они подчиняют себе других особей — неоспоримо. Представь, сколько сотен тысяч тварей должно погибнуть, чтобы одна из них эволюционировала до такого уровня. Их единицы. К сожалению, нашей лаборатории отчаянно требуется хотя бы одна для изучения, — заканчивает она, напуская на себя учёный вид.

Папа смотрит на неё с неподдельной гордостью. Демонстративно закатываю глаза.

— А насколько эффективен пистолет против этих тварей? — с тревогой интересуется Питер. — Говорят, что обычные пули их не берут.

— Рядового некроформа остановить проще, — отвечает Снор. — А вот Сирену одним выстрелом не завалишь. Если только не всадишь пулю точно между глаз.

— А если кончатся патроны? Или оружие заклинит?

Питер смотрит на Снора с глупой надеждой. Тот ухмыляется, обнажая белые зубы.

— Если у тебя закончились патроны, значит, ты облажал-

ся. А вот чтобы этого не вышло, прошу всех в Точку!

Все мы замолкаем и удивлённо таращимся на великана.

— Точка? — тихо переспрашивает Питер.

Снор с шумом выдыхает, закатывая глаза:

— Точка — это место, где вы научитесь стрелять раньше, чем вас сожрут. Проще говоря — тир. Теперь понятно?

Группа с воодушевлением идёт к выходу из малого зала. Мужчины торопятся оказаться на стрельбище. Стараясь избежать толкучки, я жду, когда они покинут помещение, и только тогда направляюсь к двери.

Внезапно меня останавливает смех. Возле капитана стоят трое. Среди них я вижу ту самую суку. Я успела отойти на достаточное расстояние, и мне не слышно, что они так весело обсуждают.

С игривой улыбкой она отвечает что-то капитану Санчесу, положив руки ему на плечи. Помнится, он обращался к ней «лейтенант Брина Райт», но рядом с ним она ведет себя уверенно и непринужденно. Напрашивается вывод, что они либо любовники, либо хорошие друзья.

— Астрид, не отставай! — громко зовёт Снор, тем самым прерывая их атмосферу веселья.

Все взгляды мгновенно обращаются в мою сторону. На лице Райт появляется вспышка узнавания. Я улыбаюсь ей ядовитой улыбкой, показывая, что тоже её помню. Нахмурив брови, она что-то говорит своим товарищам. Продолжая улыбаться, я подмигиваю ей и резко разворачиваюсь к Сно-

ру, который ждёт меня возле выхода.

Просторное помещение с очень высокими потолками. Неоновый свет играет на стенах, создавая атмосферу. Удивительно, но тут все пронизано технологиями.

Я замечаю свою группу справа от входа. Молодые мужчины с энтузиазмом что-то восхищенно обсуждают. Подхожу ближе, привлеченная всеобщим восторгом. Вижу стеллажи с различным оружием, каждая модель имеет уникальные характеристики и особенности. Рядом интерактивные панели, где можно узнать о них больше.

На одной из стен замечаю экраны, на которых отображаются данные с предыдущих тренировок, и лидером там указана некая Рокси.

Обвожу взглядом помещение ещё раз. Стеллажи с оружием, звукоизоляционные панели, размеченные зоны для стрельбы... но я не вижу мишеней. Не понимаю, на стрельбище нет самого важного? Недоуменно смотрю на нашего инструктора.

Снор со своей неизменной ухмылкой, будто только и ждал нашего общего удивления, подходит к какому-то аппарату в углу, запускает экран компьютера и нажимает несколько кнопок. Как по щелчку светильники на потолке по очереди гаснут, и все освещение сосредотачивается на дальней стене.

Мы все, затаив дыхание, наблюдаем, как там появляются семь некроформов. До жути убедительные, словно живые.

Разложившаяся кожа, сочащаяся гноем, вывернутые суставы, клочья волос на черепах. Но более всего поражают глаза. Затянутые мутно-молочной пеленой. Лишь кое-где проглядывают жёлтые крапины, словно запекшиеся капли гноя.

Голографические проекции новой модели, реалистичные трехмерные объекты.

Лиззи ошеломленно вскрикивает и прикрывает рот ладонью.

— Они... они что... двигаются? — шепчет остолбеневший Питер.

Пристально приглядываясь, замечаю подергивание рук и слабое покачивание тел. Но самое страшное для меня — осмысленный взгляд. Некроформы наблюдают за каждым нашим движением.

— Познакомьтесь, голограмма Тион-3, — говорит Снор. — Эти мишени представляют собой проекции, и в зависимости от заданных параметров...

— Они могут имитировать различные ситуации, позволяя отрабатывать навыки стрельбы, тактику и реакцию на неожиданные обстоятельства, — заканчивает за него Тим, с нескрываемым восхищением рассматривая мишени. — Мой друг-инженер всего год тому назад говорил, что это пока лишь разработка, до реализации ещё далеко. Не думал, что их уже ввели в эксплуатацию.

— Запомни: все достижения инженеров сначала тестирует военный центр, и лишь потом они становятся доступны

жителям города. — Снор встает возле размеченных зон и указывает на интерактивные панели, расположенные возле стрелковых зон. — Здесь можно настроить параметры голограмм: количество, скорость, тип атак, даже уровень ущерба, который они могут нанести. Система сама анализирует вашу стрельбу, фиксирует попадания и промахи и выдаёт рекомендации по улучшению техники.

И, взяв пистолет, Снор поворачивается к мишеням.

— Самое первое, что вы должны делать, это проверять оружие перед использованием. Ведущая рука удерживает рукоять, поддерживающая плотно обхватывает её сбоку и снизу, — уверенно говорит, демонстрируя нам правильный захват пистолета. — Не забываем про правильную стойку: ноги на ширине плеч, тело немного наклонено вперед, — продолжает, наводя прицел. — Нужно совместить мушку с целиком. Не торопитесь, дышите ровно и нажимайте на спусковой крючок плавно. Точка — это то место, в которое одно точное попадание — и минус один враг. — Звучит глухой выстрел. Смотрю на некроформа — из точки на лбу течет струйка крови. Проекция искажается и исчезает. — Так, теперь вы. — Мы берем пистолеты под пристальным наблюдением Снора. — Хорошо. Сначала проверьте, что пистолет заряжен. Затем займите удобную позицию и прицельтесь, — напоминает он.

Подхожу к линии, внимательно осматриваю холодный металл в своей руке и ничего не чувствую. Полное безразличие.

Нет волнующего трепета в груди или страха. Но тем не менее стараюсь встать в правильную стойку, внимая словам Снора, поднимая пистолет до уровня глаз, прищуриваюсь и фокусируюсь на мишени. Резкая тупая боль бьёт в виски. Отпускаю пистолет и прикладываю ладонь ко лбу. Что такое? Неужели нервничаю? Делаю глубокий вдох, чтобы успокоить нервы, и боль постепенно утихает.

Ещё раз сосредотачиваюсь. Внимательно выравниваю прицел, но перед глазами всё размывается, словно туман застилает мишень. Глухая постукивающая боль возвращается.

Сжав зубы, нажимаю на спусковой крючок. Пуля, естественно, летит мимо некроформа.

— Ну, для первого раза пойдет. Пробуй ещё раз, — ободряюще говорит наставник.

Но я не смотрю на него. Мой взгляд полностью сосредоточен на моей мишени. Я, словно окаменев, застываю, и холодная капля пота медленно скатывается по виску. Меня, вероятно, не поразила бы торжествующая улыбка некроформа или издевательский взгляд — это всего лишь модернизированная проекция, и бог его знает, какие настройки в неё заложили инженеры. Но то, что я вижу, вызывает приступ дрожи.

Глаза.

У этой твари — мои глаза.

Моргаю, пытаюсь стряхнуть сковавшее меня оцепенение. Глаза некроформа вновь затягиваются мутно-молочной

плёнкой.

Двадцать выстрелов — и ни единого попадания! Даже Лиззи смогла поразить цель, а мой отец умудрился трижды вывести мишени из строя. Что, в общем-то, неплохо. Это уже дает шанс удрать от некроформа.

Зрение меня никогда не подводило, всегда было острым. Так откуда же этот адский молот в виске, стоит мне только прицелиться? Нет. Всё это до чёртиков неправильно. Не моё это место. Я не валькирия, несущаяся в бой с диким кличем, чтобы обратить некроформов в пыль.

Дверь с грохотом распаивается, и в раздевалку врывается Брина Райт. Скрестив руки на груди, она двигается к моему шкафчику.

— Ну надо же, кто тут у нас! Сама принцесса снизошла до первого уровня! Потеряла дорогу к своим шелковым подушкам? — голос звучит издевательски и угрожающе.

В раздевалке только мы с ней. Лиззи уже давно переоделась и умчалась в ГИЦ.

— Участвую в экспедиции, что за глупый вопрос? Ах да, прости, я забыла об отсутствии у тебя извилин в мозге, — бросаю с вызовом, нахально сверкая зубами.

Обхожу Райт, чтобы направиться в прачечную и избавиться от этой ужасной формы.

Внезапно Брина хватает меня за волосы, и резкая боль пронзает кожу. Ядовитое дыхание обжигает моё ухо:

— Думаешь, я поверю тебе?

— А ты думаешь, мне есть дело до этого? — отвечаю вопросом на вопрос, слегка поворачивая голову, чтобы запомнить её мерзкое победное выражение лица.

Я подожду.

Я умею ждать.

Время — лучший союзник мести.

— Высокомерная сука! Привлекательная оболочка, но пустое содержание! Ты как гнилой фрукт, место которому на помойке! — шипит она с ненавистью.

— Попробуешь? Вдруг тебе понравится гниль? — уголки губ едва заметно приподнимаются в холодной усмешке.

— Я сотру тебя в порошок. Попробуй сделать хоть неверный шаг здесь — и ты пожалеешь о том дне, когда сюда сунулась. Ты здесь никто. Чужая. А теперь вали на хрен с базы!

Толкнув, она отпускает мои волосы и сама убирается прочь из раздевалки. Освобождаю волосы от резинки и осторожно массирую кожу головы. Медленно пропускаю локоны между пальцами, распутываю. На губах появляется безумная улыбка, взгляд устремлен в одну точку.

Лейтенант Райт, игра уже началась.

Выйдя из раздевалки, я натыкаюсь на Снора. А его что сюда привело? Или лейтенант Райт подослала добавить мне порцию яда?

Снор стоит, привалившись к стене. Одна нога согнута и прижимается подошвой к стене. Из рта торчит зубочистка.

Внимательно рассматривая мою юбку, Снор двусмысленно улыбается, что начинает нехило меня раздражать.

— Короче. Есть предложение, — начинает он.

Но я мгновенно перебиваю:

— Нет! Какое бы ни было твоё предложение, мой ответ всегда будет «нет»!

Снор вытягивает лицо, слегка прищуривается, а зубочистка наконец покидает рот. Указав пальцем в мою сторону, Снор недоуменно бросает:

— Наверху вас не учат, что перебивать людей — это неприлично? Я хотел предложить тебе встретиться сегодня вечером... — Да этот парень, похоже, никогда не сдаётся. — Спокойно, не надо метать в меня такие молнии, — произносит он с усмешкой, пытаясь разрядить обстановку. — Просто посидеть в баре с нашей компанией. Я бы познакомил тебя с моим отрядом в неформальной обстановке. Кстати, Тим, Адам и Питер согласились. Научных динозавров я не стал звать. И ещё обещала подойти... эээ, все время забываю, как её зовут. Вторая девушка из вашей группы.

— С кучкой безумных смертников? Нет уж, увольте! — вырывается у меня смешок, и я, покачивая головой, иду в ту сторону, где мне выдали поношенную убогую униформу.

Ещё не хватало для полного счастья обзавестись друзьями из военного сектора. Да они же психи! Вот таким, как Лиззи, там самое место.

И всё же, плетясь в прачечную, ловлю себя на мысли: воз-

можно, я бы согласилась. Но высший уровень сегодня вечером обязывает меня торчать в ложе и делать вид, будто мне безумно интересно наблюдать за летающими мячиками для гольфа.

Глава 8

Название города — Гимлеон — выбрано неслучайно. В скандинавской мифологии Гимле — небесный чертог, который устоит, когда рухнет небо и мир обратится в прах. Пристанище душ добрых и праведных.

Удивляюсь, как наш дорогой глава города — человек, когда-то спроектировавший эти стены, — не назвал этот рай в собственную честь. Наверное, древние легенды звучали солиднее.

Что ж, похоже, древняя сказка обрела свою земную форму. Земной рай с привкусом гнили.

В этом оазисе безопасности пресыщенные отпрыски нашли способ развеять скуку. Почувствовать себя венцом творения, царями горы в угасающем мире, возвышаясь над остатками не-человечества.

Поле для игры в гольф — это не невинная забава для праздных богачей, неспешно прогуливающих с клюшками по ухоженному полю. Нет. Это дьявольски искусно спроектированный ландшафт, где тела некроформов, зафиксированные клетками, интегрированы в искусственное поле. На поверхности лишь головы, изуродованные лица, застывшие в гримасе вечного голода.

Цель игры проста: сделав как можно меньше ударов, загнать мяч в глотку некроформа.

На трибуну тяжело поднимается генерал Ремарк — отчим Эммы. Тёмная рубашка лишь подчёркивает его выпирающий живот. Шея почти исчезла в складках отвисшего подбородка. Он получил свое положение приближенного к Совету либо благодаря умению пресмыкаться, либо благодаря извращённой фантазии, породившей эту игру. А может, и тому, и другому...

Бойцы из базы Вестур выстроились с автоматами в руках по периметру поля, держа оружие наведённым на ряды зарытых тварей — кто-то же должен оберегать игроков от непредвиденных обстоятельств.

— Чему ухмыляешься, Астрид? — вырывает меня из раздумий ледяной голос Крейга.

Отрываю взгляд от некроформа и смотрю в бездушные глаза-ониксы Крейга, скольжу взглядом по безупречным чертам его лица. Кремовые льняные брюки и поло — воплощенная небрежная элегантность. Готов к игре.

— Вспомнила старую шутку. Говорят, чем больше власти у человека, тем хуже у него чувство юмора.

Крейг хмыкает, проходит в комнату ожидания и вальяжно опускается в кресло. Скоро должны подойти и остальные.

— Твой острый язык однажды тебя погубит.

Медленно подношу к губам бокал, в котором плавает экзотический цветок, делаю неспешный глоток. Сладость растекается по языку. Снова перевожу взгляд на поле и небрежно пожимаю плечами:

— Ты спросил. Я ответила. Разве не так это работает?

— Гимлеон не терпит честности. С волками жить — по-волчьи выть. Старая, но верная русская поговорка.

Уголок губ трогает едва заметная усмешка, но я не удаляю Крейга своим вниманием. Знал бы он, какой волчий вой рвется из моей души. Снова наблюдаю за генералом Ремарком. Он с трудом втискивается в бархатное кресло, его довольный взгляд скользит по полю. Творец гордится своим детищем.

— Не стоит выбиваться из стаи, Астрид. Это может плохо кончиться, — добавляет Крейг.

Поворачиваю голову. Вскидываю бровь, отзеркаливая его надменность. Залпом допиваю остатки приторного коктейля. Опустевший бокал бесшумно исчезает из моих пальцев, подхваченный расторопным официантом.

— Из твоей стаи, Крейг? — усмехаюсь. — Из стаи тех, чьё главное достижение в жизни — тусоваться на вечеринках и забивать мячи в чужие глотки? Извини, но мне скучно в этом зоопарке.

Крейг несколько секунд всматривается в моё лицо, а затем не сдерживает издевательского смешка.

— Господи... Так вот откуда дует ветер твоих перемен. Не будь такой наивной и не влюбляйся в своих новых друзей-солдафонов. В военную службу не всегда идут высоко-нравственные личности. И, уж прости, я слишком ценю свою жизнь, чтобы оказаться за Стеной.

— Разумная позиция, — спокойно киваю. — Не всем же быть полезными за пределами лужайки для гольфа.

Крейг подается вперед, сужая глаза.

— Нет, детка. Разумная позиция — это терпеливо ждать вакцину. Кстати, ты не хочешь поинтересоваться у своего папочки, как продвигаются дела?

В груди взрывается вулкан. Ярость обжигает изнутри.

— Не смей говорить о моём отце в таком тоне, Крейг, — шиплю, делая шаг вперёд.

— Да плевать мне на твоего гениального папочку. Пусть живёт вечно, если это поможет нам всем! — с циничной бравадой Крейг поднимает стакан с водой в издевательском тосте и одним глотком осушает его, не отводя от меня взгляда. — Только прошу: не увлекайся игрой в солдатики. А то, чего доброго, возомнишь себя новой Жанной Д'Арк! А мы все прекрасно помним, чем она закончила.

Усмешка играет на его губах. Стискиваю зубы до хруста в челюстях.

— О чём тут шепчетесь? — вдруг слышу приторный голос за спиной.

Оборачиваюсь. Сиенна грациозно порхает ко мне. Легкое шифоновое платье цвета морской волны струится по её фигуре, идеально оттеняя глубину её глаз. На запястье сверкает множество переплетенных тонких браслетов.

Сиенна наклоняется ко мне, оставляет невесомое касание губ на моей щеке.

— Мы тут рассуждали про преимущества и недостатки стайного образа жизни, — как бы между прочим бросает Крейг. — Астрид полагает, что у одиночек есть неоспоримые плюсы.

Он сверлит меня взглядом, полным нескрываемой неприязни.

— Вот как? И какие же это плюсы? — спрашивает Сиенна, отстраняясь от меня.

В её голосе звучит напускное любопытство, но в глазах — холодный блеск хищницы. Выдерживаю их испытующие взгляды и отчётливо произношу:

— Иногда одиночка может повести за собой целую стаю... в новый мир.

Сиенна издает короткий нервный смешок и тут же переводит взгляд на Крейга. Его лицо непроницаемо, но я замечаю, как играют желваки.

Воздух густеет, становится почти осязаемым. Понимаю, что, произнося это, ступила на опасно тонкий лёд. Крейг прав. В этом городе честность — непозволительная роскошь, и цена за нее слишком высока.

— Всем привет!

В комнате появляются братья Портманы. Приветственно махнув нам, они шумно направляются к дивану. Незаметно перевожу дыхание. Напряжение в помещении чуть спадает.

Крис, бросив быстрый оценивающий взгляд на меня, вдруг спрашивает:

— Разве ты не должна быть далеко за Стеной? Или передумала?

— Нет. Сегодня прошла первый инструктаж на базе Норд. В его глазах загорается интерес.

— А что за отряд вас будет сопровождать? — спрашивает он.

— Отряд «Химера».

— Томас Санчес... — задумчиво произносит Крис. Я киваю, внутренне напрягаясь. Повернувшись к Крейгу с нахмуренными бровями, Крис задумчиво спрашивает: — Погоди, это случайно не тот двинутый капитан, который два года назад цапался с Яном?

— Чёрт, точно! — скалится Крейг, мгновенно забыв про нашу с ним стычку. — Как я мог забыть! Тот самый праведник, что требовал от Совета наказания для Яна.

— О чём вы вообще? — интересуется Сиенна, присаживаясь на подлокотник кресла.

— Да старая история. На одной из вечеринок Яна, а вы знаете, какими обычно бывают его вечеринки, — Крис многозначительно изгибает бровь, — произошёл... неприятный инцидент. Ян не совсем рассчитал свои развлечения с одной девчонкой. Думал, она выдержит. — Он коротко усмехается и пожимает плечами. — Не выдержала.

— Причём тут Санчес? — тихо спрашиваю я.

Рон откидывается на спинку дивана, лениво покручивая стакан в пальцах.

— А девчонка оказалась с базы Норд, детка. Том тогда требовал отправить Яна за Стену на пару лет — для перевоспитания. Но, как видишь, наш друг всё ещё пьёт, дышит и устраивает шоу.

Я опускаюсь в кресло рядом с Сиенной. В памяти всплывает комичное выражение лица Снора и его искреннее возмущение тем, что я перебиваю других. Уголки моих губ невольно дергаются. Вспоминаю его приглашение пойти в бар. Интересно, они до сих пор там? И там ли Лиззи?

Но это не имеет значения. Неважно. Всё неважно. Сегодня я, вероятно, слишком устала и перегружена ненужными эмоциями. Но откуда берётся это... смятение?

Наконец, протяжный гудок режет комнату, оповещая о начале игры. Легкая дрожь проходит по коже. Сглатываю горечь и одариваю друзей приторно-сладкой улыбкой.

— Арена смерти жаждет крови! — роняю я небрежно и перехватываю взгляд Сиенны, поднимаясь. — Не пора ли нам вкусить зрелища и поддержать наших мальчиков?

— Разумеется, дорогая! — Сиенна с готовностью подхватывает меня под руку, сжимает чуть сильнее, чем следовало бы.

Мы вдвоем следуем к вип-ложе, где уже пирует золотая знать Гимлеона.

На поле с показной приветливостью выходят игроки. В руках у каждого поблескивают изящные клюшки, а в плетёных корзинах лежат мячи с секретом. Внутри каждого из них —

крошечный детонатор. Не способный, конечно, устроить чудовищный взрыв — всего лишь снести прогнивший череп некроформу.

Игра началась. Первый удар. Крейг с легкостью отправляет мяч в разинутую пасть. Ложе взрывается аплодисментами не менее оглушительными, чем взрыв, разнесший на части голову мерзкой твари.

Следом летят мячи Рона и Криса. Рон с отвращением отворачивается, когда кровавый фонтан орошает поле. Слабый желудок не выносит зрелища мозгов, но это не отбивает у него жажду вогнать мяч в «лунку».

Крейг — безусловный лидер. Каждый его удар выверен до миллиметра, ни единого промаха. Осталась всего одна живая «лунка». И игра будет окончена. Но Крейг не спешит с решающим взмахом. Он поднимает палец, призывая к тишине. И все затихает в ожидании. Даже я замираю, не понимая, что происходит.

И вдруг... взгляд Крейга обрушивается на меня. Черные глаза прожигают насквозь. Сердце пропускает удар.

— Этот решающий удар я доверю своей самой верной соратнице и преданной подруге, — объявляет Крейг. — Астрид, прошу.

Ищу понимание в растерянном взгляде Рона, но нахожу лишь отражение собственного смятения. Рядом со мной Сиенна приглушенно хмыкает.

— Интересно, Эмма уже готова выпустить коготки от рев-

ности? — воркует, не сводя глаз с ложи напротив, где Эмма восседает рядом с генералом Ремарком.

Плевать. Плевать на Эмму, на её ревность и на дешёвый фарс, который здесь разыгрывается. Любовные треугольники? Интрижки? Для них здесь нет места. Это не сцена для мелодрам. Это арена власти.

Поднимаюсь из кресла и гордо вскидываю подбородок. Медленно спускаюсь с трибуны под пристальными взглядами. Подхожу к Крейгу. На его лице — хищный оскал. Растягиваю губы в зеркальной улыбке.

Я знаю, что он делает. И он прекрасно знает, что я понимаю. Публичное повиновение, густо засахаренное притворной дружбой.

— Не покажешь своё чувство юмора этой чопорной публике? — шепотом спрашивает Крейг, протягивая мне свою клюшку.

— С превеликим удовольствием, — цежу я сквозь зубы.

Выхватываю клюшку. Она тяжелее, чем кажется. Внимательно осматриваю поле, оценивая расстояние до «лунки». Уверенным шагом приближаюсь к плетёной корзине. Пальцы смыкаются на мяче. Шершавый, как будто обтянутый грубой кожей. Представляю внутри смертоносную начинку. Встаю в стойку, прицеливаюсь.

А что, если...

Замахиваюсь, вкладывая в удар всю клокочущую ненависть. Удар. Мяч срывается и летит не в «лунку». Он летит

мимо. Высоко. К трибуне. К той самой вип-ложе, где восседает генерал Ремарк. Приближается к цели. Генерал не успевает даже моргнуть, как смертоносный снаряд врежется в его надменное лицо. Взрыв. Кровь, ошметки плоти и костей забрызгали бархатные кресла и дорогие наряды.

Трибуна замирает. Крейг тоже не шевелится, лишь его усмешка становится шире. Сиенна приоткрывает рот, её глаза наполняются неподдельным изумлением.

Тишина взрывается криками ужаса и паники.

— Браво, Астрид, — Крейг медленно приближается ко мне, хлопая в ладоши. — Ты только что объявила войну всему городу.

Моргаю. И реальность тут же возвращается, сбросив липкую паутину фантазий.

М-да, с воображением у меня полный порядок. Конечно же, ничего этого не случилось.

Волна аплодисментов оглушает. Взгляд толпы прикован к дымящимся ошметкам черепа, только что разлетевшегося кровавым крошечком. Чёрт! Кажется, я попала в «лунку». С моей-то «убийственной меткостью»! Даже немного обидно. А так хотелось хоть немного подпортить безупречную статистику Крейга.

Привалившись плечом к дверному косяку, наблюдаю за Ханной. Видимо, она не заметила моего прихода. Уютно устроившись на кровати, она с трепетом перелистывает стра-

ницы книги. Толстый вязаный плед, обвивающий её ноги, делает Ханну по-домашнему уютной. За виртуальным окном с панорамным видом на лес идёт дождь, наполняя спальню мелодичным стуком капель по стеклу.

Наверняка Ханна попросила Нову сменить изображение, чтобы создать атмосферу покоя и уединения. Сверкающие искры, исходящие от камина, играют на чертах лица тёти, подчёркивая задумчивость.

Отталкиваюсь от двери и присоединяюсь к ней.

Она приподнимает голову, снимает очки для чтения и с нежностью говорит:

— Эй, милая, я не слышала, как ты вошла.

— Что ты так увлечённо читаешь? — улыбнувшись в ответ, спрашиваю я.

— Так, не увиливай. Тебя никогда не интересовали «мои книжечки», как ты любишь говорить, — прищуривается Ханна, шутливо тыча пальцем в мою сторону, и откладывает книгу в сторону.

Устало натягиваю улыбку, забираюсь на кровать и устраиваю голову на её коленях, поджимая собственные к груди.

Электронный камин мягко мерцает, создавая иллюзию пылающих дров. Беспечно смотрю на яркие всполохи, отчаянно пытаюсь побить собственный рекорд по количеству секунд без моргания. Если бы в наши дни существовала Книга рекордов Гиннеса, я бы точно претендовала на первое место.

Однако Ханна не одобряет мои дурацкие эксперименты. Однажды она прочитала мне целую лекцию, где первым пунктом значилось пересыхание и повреждение роговицы.

Ханна, чувствуя мою напряженность, ласково перебирает мои волосы. Этот жест — невольный намек, подтверждение того, что она замечает мою игру в гляделки с самой собой. Знак, призывающий меня прекратить эту бессмыслицу.

И я сдаюсь. Закрываю глаза, позволяя её прикосновениям унести меня в мир спокойствия.

— Ты сегодня с вечера какая-то притихшая, милая. Тебя что-то тревожит?

— Просто тяжелый день. Не бери в голову. Хочешь, завтра весь вечер буду донимать тебя и бесить вопросами о твоей прошлой жизни? О тех временах, когда ты путешествовала по миру до катастрофы? — усмехнувшись, открываю глаза и смотрю на тётю.

Ханна мягко касается моей руки, передавая свою любовь через прикосновения.

— Ты никогда меня не беспокоишь, Астрид. Помни, я всегда здесь, чтобы выслушать тебя. — Её карамельные глаза светятся заботой. Усмехнувшись, она добавляет: — И я никогда не говорила, что ты бесишь меня своими расспросами о моих путешествиях.

— Было! Один раз! Ты жутко куда-то опаздывала! — смеюсь, напоминая я.

— У меня тогда была встреча с Грэгом, и да, я опаздывала. Да и вообще лучше не припоминай! Это было худшее свидание в моей жизни! Он тогда пришёл с мамой! С мамой!!! И она весь вечер вытирала ему соус с подбородка и выясняла, умею ли я варить правильный бульон!

— Зато ты узнала, что сорокалетний мужик не умеет пользоваться салфеткой! — не сдерживаясь, прыскаю я со смеха.

Ханна моментально подхватывает, и наш общий хохот разливается по спальне, заглушая тихий треск камина. Мимические морщинки вокруг глаз Ханны становятся ещё заметнее, когда она улыбается.

Ханна не выглядит на свои сорок. Годы, кажется, лишь добавили ей шарма. Загадка, почему она так и не встретила того единственного и не создала семью. Может быть, чтобы не покидать нас? Я не осмеливаюсь задать этот мучающий меня вопрос — боюсь увидеть в её глазах немой упрёк. Ведь она, едва перешагнув порог двадцатилетия, взвалила на свои плечи моё воспитание. Помню, как в детстве я ревниво относилась к её свиданиям — боялась, что какой-нибудь дядя уведёт её навсегда.

Мы затихаем. Наваливается приятная сонная тишина. Ханна продолжает перебирать мои волосы, и я чувствую, как глаза начинают слипаться.

— Ты моя крепость, — тихо произношу я.

Ханна наклоняется и целует меня в лоб.

— Моя поддержка и любовь всегда найдут путь к тебе, — продолжает Ханна так же тихо. — Поспи, моя девочка.

Глава 9

— А теперь на практике отработаем выбивание оружия из рук противника, — произносит Снор и обводит взглядом группу, оценивая, кто готов к действию. — Тим, прошу! — жестом вызывает на середину мата.

Тим выглядит помятым, как будто ночь у него выдалась долгой и беспокойной. Примечаю его заспанные глаза и торчащие в разные стороны волосы. Зевнув, он с явной неохотой встает с насиженного места.

— Давай-давай! Я тебя предупреждал, что с Рокси не стоит тягаться! Она даже меня уделает по количеству выпитого! А ты в этом деле новичок!

— Он просто хотел произвести на неё впечатление, но в итоге провёл ночь в обнимку с унитазом, — сдаёт Тима с головой Адам.

Некоторые члены группы не сдерживают весёлые смешки. Тим, вспыхнув пламенем стыда, бросает на товарища испепеляющий взгляд:

— Я тебе это припомню. — И выходит на середину мата. Рокси. Знакомое имя. Оно было на экране лидеров по стрельбе в Точке.

— Лиз? — Снор по-мальчишески с беззлобной хитринкой обращается к серой мыши.

Поворачиваю голову в её сторону. Лиззи сидит от меня

через Питера и Адама. На её угловатом лице появляется смущенный румянец, и она опускает взгляд. Меня аж передергивает. «Лиз» значит... А вчера не мог вспомнить её имени. Перевожу взгляд обратно на Снора, который старательно делает вид, что меня здесь нет. Неужели мои вчерашние слова так его задели?

— Готова надрать задницу Тиму? Тогда вставай напротив него, — хлопнув огромными ладонями, он привлекает внимание группы. — Все смотрим внимательно и подмечаем ошибки!

Группа сегодня выглядит оживленной. С самого начала занятия все бурно обсуждают прошедшую в баре встречу, а некоторые ребята с военной базы даже останавливались, чтобы поздороваться с ребятами из нашей группы.

Тим встает в боевую стойку и держит оружие на уровне груди. Наклонившись неуверенно вперед, серая мышка перемещает взгляд на стоящего рядом Снора.

— Лиззи, прежде чем атаковать, внимательно наблюдай за движениями Тима. Обрати внимание на его руки и положение оружия, — объясняет Снор, и Лиззи сосредоточенно кивает. — Теперь, когда ты готова, сделай шаг вперед. Используй силу и скорость, чтобы выбить оружие.

Лиззи, смотря на Тима смущенно, делает шаг и нерешительно поднимает руку, чтобы схватить оружие.

Закатываю глаза. Мы так до утра будем наблюдать за её робкими действиями.

— Лиз, смелей! Важно действовать быстро и точно! — подбадривает её Снор.

Собравшись, Лиззи резко наклоняется и движением плеча выбивает оружие из рук противника.

— Отлично! — восклицает Снор. — Теперь, Тим, попробуй защититься.

Лиззи принимает атакующую стойку и подаётся вперед, а Тим, поворачивая корпус, делает шаг назад, но неожиданно путается в собственных ногах и плюхается на мат.

— Кто заметил ошибку? Важно! Сначала шаг назад, и только потом поворачиваем корпус! Хорошо, ребята, — продолжает Снор, наблюдая, — продолжайте тренироваться, не забывая меняться местами, и теперь ваши движения должны быть максимально быстрыми и точными. — Снор поворачивается и смотрит на нас: — Разбиваемся по парам и отрабатываем прием.

Поднявшись на ноги, я стряхиваю с тренировочных брюк невидимую пыль. Благо в этот раз дали чистую и подходящую по размеру одежду. Отец сидит на другом конце полукруга. Приподнявшись, он внимательно смотрит на меня. Хочу к нему подойти, но доктор Финчер опережает меня, умоляюще взирает на отца и что-то ему объясняет. Папа кивает, а затем бросает на меня виноватый взгляд и разводит руками.

Ясно. Отец меня только что слил.

Оглядываюсь — разумеется, больше никого не осталось.

Хмыкаю. Белой вороной стала я. Ну что ж, вполне предсказуемо. Впрочем, так даже лучше. Я сюда пришла не друзей заводить, а с другой целью.

Усмехаюсь. Друзья? Звучит как нелепая шутка.

Наблюдаю за тренировкой. Адам бросает колкие шутки в сторону Тима. Питер поправляет Лиззи, показывая пример отбивания оружия. Великолепная четверка хихикающих серых мышей.

Белая ворона? Да, пусть будет так. Не хищник, но всеядная. Символ живучести и умения находить своё место. Я готова проглотить всё, что жизнь мне предлагает, будь то радости или трудности, и сделаю это с гордо поднятой головой.

— Мисс Вендель, вам нужно отдельное приглашение? — гремит голос капитана Санчеса, прерывая мои мысли.

Атмосфера в малом зале мгновенно меняется. Все резко замолкают, взгляды устремляются на нас.

Нет, на меня.

Капитан приподнимает бровь, ожидая ответа. Почему его обращение ко мне кажется таким настойчивым и провокационным? Глядя на этого мужчину, пышущего тестостероном, хочется ответить остроумной репликой. Но я не успеваю отреагировать — капитан снова обращается ко мне:

— Мисс Вендель, у меня есть полное право не выпускать вас за пределы стены города. Вы не прошли инструктаж, поскольку отказываетесь его проходить. — В его уверенном тоне сквозит неприкрытая насмешка.

Во мне поднимается буря возмущения. Поддавшись эмоциям, делаю невольный шаг вперед. Я не собираюсь отступить и сбегать из зала со слезами на глазах, поджав хвост.

— Я жду отца. Как только он освободится, я отработаю прием с ним. И я не говорила, чёрт возьми, что отказываюсь проходить ваш долбаный инструктаж!

Только сейчас замечаю, что стою к капитану слишком близко. Подмечаю каждую деталь на его лице. Родинку на правой щеке. Мелкую щетину над чётко очерченной верхней губой. И, конечно же, ярость в его глазах.

— Займи место у груди и начинай отрабатывать технику, — сквозь сжатые зубы приказывает мне капитан.

— Что? Чёрта с два я буду это делать!

Отхожу назад и скрещиваю руки на груди.

— Том, я потренируюсь с ней, — вмешивается Снор, подходя с невозмутимым лицом, словно не замечая нарастающего напряжения.

— Да пошел ты! Только сейчас заметил, что я стою без пары? — не могу сдержать гневный упрек.

— Нет, Снор, ты наблюдаешь за остальными! — отрезает капитан, прожигая меня взглядом.

— Капитан, это моя вина... — пытается папа оттянуть внимание на себя, его лицо искривлено от беспокойства.

— Что у вас тут происходит?

В малом зале стоит майор Хорнер, рядом с ним худощавый парень в военной форме. Вместо привычной одежды, в

которой я видела майора первый раз, на нём военный комплект: тёмно-зелёные брюки и футболка с коротким рукавом. В них Хорнер сливается с множеством обитающих здесь мужчин. Строгие глаза майора скользят по нам.

— Что у вас тут происходит? — повторяет он вопрос.

— Все под контролем, сэр, — невозмутимо отвечает капитан Санчес. — Просто мисс Вендель не хочет следовать установленным правилам.

— Не хочу следовать правилам? — восклицаю я, чувствуя, как в крови начинает закипать гнев. — Я просто жду своего отца, чтобы отработать приём! Это не значит, что я отказываюсь от инструктажа!

— С таким энтузиазмом я вас не подпущу к стене даже близко, — звучат как приговор слова капитана.

— А ты проверь мой энтузиазм!

Майор поднимает руку, чтобы остановить наш спор.

— Спокойно, мисс Вендель. Я вижу, что распределение получилось непарным. В таких случаях у нас не принято оставаться без дела. Этот человек встает на грушу и отрабатывает удары. Если капитан Санчес сомневается в вашей подготовке, значит у него есть на это основания. Поэтому, капитан, после тренировок вы берете на себя ответственность за инструктаж мисс Вендель. К завтрашнему дню все должны быть в полной боевой готовности...

Хочу только произнести «пусть будет Спор, чем этот самодовольный солдафон», но внезапно привлекает внимание

шум за дверью малого зала. Слышу отборный мат, и мои глаза округляются от шока.

Чёрт. Чёрт! Папа поворачивает голову в мою сторону с таким же потрясенным видом, смотрит в мои глаза и сглатывает.

— Не надо держать меня, как преступницу! Я и сама могу идти! Только попробуй разорвать мою блузку, скотина! Я доложу вашему начальству о том, как вы обращаетесь с женским полом!

Ханна вихрем врывается в зал, удерживаемая двумя сторожевыми псами. Её волосы разметались, а одежда растрепана. Скорее всего, сюда она прорвалась с боем. Искры сыплются из её глаз, когда она метко останавливает взгляд на нас.

— О господи... — шепчу себе под нос.

— Вот они! Лжецы! Предатели! — не унимается тётя, не обращая внимания на шокированные взгляды окружающих. — Я нутром чувствовала, что что-то не так! Оказывается, наш уважаемый учёный Ганс Вендель на военной базе готовится выйти за Стену! Лжец проклятый! «Ханна, я отменил свою кандидатуру. Больше не о чем беспокоиться!» — передразнивает она отца. — Мало того, что ты сам собрался, так ещё и дочь втянул!

Все озадаченно смотрят на нас. Отец краснеет. Я прикрываю глаза и щиплю себя за переносицу. Ну что могу сказать... Мы в полной заднице.

Ханна, вырывая руку из хватки охранников, с рыком цедит:

— Да отцепитесь вы от меня!

— Мисс, я приказываю вам немедленно покинуть базу! Как вы сюда попали? Убирайтесь живо. Не хватало нам ещё тут истеричных баб! — цедит майор, и его терпение, кажется, вот-вот лопнет.

Ханна поворачивается к нему, с секунду изучает и дерзко отвечает:

— При всем уважении, сэр! А не пойти бы вам в задницу?!

Майор на мгновение замирает, обескураженно уставившись на неё. Он даже дважды моргает, не веря своим ушам.

Ханна же, больше не обращая на него внимания, уверенно направляется к нам с отцом, минуя майора Хорнера и остолбеневшего парнишку.

— Что вылупились, предатели? Удивлены, что меня здесь видите? Кто тут у вас майор Хорнер? Я пришла к нему и обязательно добьюсь вашего исключения из экспедиции! — решительно угрожает она.

Боже мой! Это какой-то сюрреализм!

Указываю пальцем на майора Хорнера и закусываю губу, пытаясь сдержать смех. Ханна широко открывает глаза и приоткрывает рот, осознавая, кого она только что послала в задницу. Медленно повернувшись к майору Хорнеру, она натягивает на лицо широкую улыбку.

Майор приходит в себя и не терпящим возражения тоном

чеканит каждое слово:

— Ганс Вендель, живо в мой кабинет! — Нахмутив брови, смотрит на Ханну, успевшую оправиться от своей дерзости.
— И прихватите с собой... вашу жену!

— Она не моя... Она моя сестра! — выпаливает отец.

Майор Хорнер разворачивается на месте и размашистым шагом покидает малый зал. За ним, спотыкаясь, бежит парень с планшетом в руках и что-то докладывает.

Ханна, обернувшись, строго указывает на меня пальцем:

— А с тобой, милая, я поговорю дома!

Отец с Ханной удаляются вслед за майором. Я же остаюсь стоять, провожая взглядом их спины.

Наконец, спокойно выдыхаю. Могло быть гораздо хуже. Знаю характер тёти — она вполне могла припомнить все мои детские грехи и разразиться слезами, причитая о нашей неблагодарности. Надеюсь, что при майоре она все же сумеет сдержать свой пыл и смирится с нашим с отцом решением.

— Ну и ну... А у вас женщины в семье не промах, да? — Спор, весело хохотнув, приближается и небрежно поправляет свой закрученный на макушке хвостик. — Сколько ей лет?

— Сорок. К чему такой интерес? — недоумеваю, глядя на него.

Нет, Ханна никогда не станет связываться с мужчинами младше себя.

— Прекратить разговоры. Занятия ещё не закончились,

— приказывает капитан Санчес.

— Пошли, Астрид, у нас ещё час занятий. — Снор бесцеремонно кладет руку мне на плечо и тянет в сторону матов.

Оказывается, мы успели отойти от группы.

— В Точке через три часа, и не смей опаздывать! — चेканит мне капитан, бросает мимолетный взгляд на руку Снора и, развернувшись, быстро покидает помещение.

Глава 10

Спустя два часа после тренировки я, приняв душ и переодевшись в свою одежду, вновь оказываюсь на базе. Лифт после сканирования браслета запрограммированно едет вниз. Теперь с верхних уровней я могу без проблем спуститься сюда, а не пробиваться через железные ворота поста. Мой идентификационный номер ввели в пропускную систему военной базы. Как только моя миссия тут закончится, его аннулируют.

Стуча каблуками по гладкому полу, я уверенно направляюсь к Точке. Почему именно туда велел подойти капитан? Ума не приложу. Стрелять я не собираюсь, а униформа уже давно сдана.

Толкаю двойные двери и делаю шаг внутрь. Меня ослепляет свет. На мгновение зажимаю глаза. Открыв глаза, стараюсь сосредоточиться и внимательно осмотреться.

Просторное помещение тира теперь выглядит совершенно иначе. Темные стеновые панели изображают неизвестный город-призрак.

Быстро стряхиваю с себя оцепенение и оборачиваюсь на дверь, в которую только что вошла. *Голографическая проекция*, — осознаю я. Обвожу взглядом огромное пространство ещё раз. Замечаю, что стою все в той же Точке, но невидимая линия разделяет помещение, и за ней начинается симу-

ляция. Глубоко выдыхаю. Уверенно шагаю вглубь комнаты, стараясь не пересекать черту.

В самом центре проекции моё внимание привлекает светлый хвостик. Снор. В защитной броне, с автоматом в руках, он с ехидной ухмылкой бросается в гущу некроформов, привлекая их внимание криками и непрерывным огнем из оружия.

— Рокси, следи за углом! У тебя некроформ на три часа! — звучит требовательный голос Санчеса из динамиков.

Ищу взглядом капитана и нахожу его в правом углу. Он стоит на платформе управления, откуда вчера Снор включал голографические мишени. Вокруг него мерцают мониторы, транслируя происходящее. Капитан сосредоточенно наблюдает за действиями своих подчиненных. Свет экрана подсвечивает его глаза и волевой подбородок. В ушах у него гарнитура. Облокотившись на стол, он исподлобья бросает на меня мимолетный взгляд и снова всматривается в мониторы.

Я отворачиваюсь и замечаю девушку, стоящую на крыше одного из виртуальных зданий. Она быстро вскидывает винтовку и делает выстрел, поражая цель с безупречной меткостью.

— Снор, не забывай о задаче! Ты должен отвлекать их, а не просто стрелять! — добавляет капитан.

Снор мельком смотрит на Рокси, которая уже готовится к следующему выстрелу, и показывает ей что-то на пальцах, на ходу меняя стратегию.

— Багзи, используй укрытия! Сейчас же!

Наблюдаю, как военный мгновенно реагирует на слова капитана, прячась за стеной и исчезая из вида. Через секунду на этом месте появляется некроформ. Он останавливается и медленно вращает головой, словно принохивается. Жуть, какая реалистичная голограмма. Некроформ резко срывается с места, уносясь туда, где скрылся Багзи.

Заинтригованная происходящим, я подхожу ближе. Мурашки проносятся по рукам. Живой фильм прямо передо мной. Звучит выстрел. Некроформ не успевает скрыться и падает на землю, как подкошенный.

Поднимаю голову и вглядываюсь в Рокси на крыше двухэтажного здания. Мне не видны черты её лица, но замечаю коротко остриженный затылок и густую темную челку, падающую на глаза.

Внезапно кто-то резко тянет меня, схватив за локоть. Я не успеваю среагировать и делаю неуклюжий шаг вперёд. Пошатнувшись, больно падаю на колени. Мелкие камни впиваются через джинсовую ткань в кожу. Подняв глаза, вижу над собой ликующее лицо Брины Райт.

— Стерва, — рычу.

Она наводит на меня автомат, пытаясь нагнать страху. Усмехаюсь. Со мной этот номер не прокатит. Где она пряталась все это время? Я видела только троих бойцов.

Поднимаюсь на ноги, разворачиваюсь... и с ужасом понимаю, что пересекла линию. Делаю три шага вперед, осматри-

ваюсь по сторонам, но картинка не меняется. Не вижу платформы управления и капитана Санчеса, вокруг только разрушенные здания с выбитыми окнами. Сердце громко стучит.

— Как мне выйти отсюда?! — кричу в пустоту, надеясь, что капитан Санчес остановит симуляцию или выведет меня.

В ответ лишь раздаётся змеиный смех Брины, и я злобно сверкаю на неё глазами.

— Ты специально меня толкнула!

— Само собой! Приказ капитана! А теперь беги, принцесса — через десять секунд тут будет толпа некроформов!

— Я отказываюсь, ясно?! Не буду в этом участвовать! — кричу в виртуальное небо, зная, что капитан меня слышит и видит.

Черт бы всё побрал! Тут даже солнце словно настоящее! Обжигает кожу!

Брина снова смеется:

— С ума сойти! Я бы поглазела на это жалкое зрелище! Но задание никто не отменял!

С этими словами она уносится прочь, оставляя меня одну.

Я дышу часто, пытаюсь успокоиться. Это все нереально. Виртуальность.

— Я не сдвинусь с места, пока ты не отменишь эту чертову игру! — кружусь на месте в попытках увидеть камеру или динамик.

Передо мной раскинулась улица, усыпанная разбитыми

автомобилями. Вокруг тишина. В воздухе витает запах гари. Ветер треплет мои волосы. *Это все искусственное*, напоминаю себе. Смотрю под ноги. Асфальт усыпан мелкими осколками стекла. Присаживаюсь, чтобы взять один в руки, пощупать. Мои пальцы касаются нагретого обломка.

Вдалеке раздаётся скрежет металла. Дергаюсь от неприятного звука. Ощущаю жжение и смотрю на руку. На пальце собирается мелкая красная точка, и с каждой секундой она становится все больше. Кровь. Скрежет повторяется. Всматриваюсь вдаль. Пять некроформов, покачиваясь, идут в мою сторону.

— Это симуляция, — тихо повторяю я, стараясь унять дрожь в голосе.

Встаю.

Твари все ближе. Моё сердце сильно колотится, холодный пот течёт по спине.

— Это всего лишь голограмма, — шепчу всё менее уверенно.

Некроформы, как тени, подступают все ближе, вытягивая костлявые руки, и словно стараются ускориться. Ужас захлестывает мой разум.

— Астрид, беги! — слышу голос капитана откуда-то сверху.

И мне не нужно повторять дважды. Паника и адреналин выплескиваются в кровь, и я устремляюсь в сторону. Но в глазах всё плывет. Виски сжимает тупой пульсирующей бо-

лью. Слышу треск стекла под туфлями, когда пробегаю мимо поврежденной машины. Пересекаю дорогу и мчусь к ближайшему зданию, но быстро понимаю, что на таких каблукх далеко не уйду. На бегу сбрасываю сначала одну туфлю, а затем и вторую, оставаясь босиком.

Слышу позади глухой звук. Два некроформа, достигнув автомобиля, начинают яростно биться в искореженную дверь. Один из них, с изуродованным лицом и безумно сверкающими глазами, медленно поворачивается в мою сторону.

Я цепенею. Время для меня остановилось. Реальность плотно смешалась в моём сознании с проекцией. Я уже не могу различить, где заканчивается одно и начинается другое.

Бегу прочь. Где-то вдалеке слышится смех Брины и звук выстрелов. Укрываясь от свистящих пуль и рикошетов, стремлюсь добраться до заброшенного дома. Толкаю дверь и за считанные секунды оказываюсь на сгнивших деревянных ступеньках.

Внезапный холод проникает в кости. Вздрагиваю от неприятного ощущения. Мандраж пробегает по телу, когда понимаю, что голыми ступнями наступаю в какую-то липкую лужу.

Пожалуйста, пусть это будет просто вода, — мысленно прошу, замирая на лестнице и пытаюсь восстановить дыхание.

Вокруг царит гнетущий мрак. Прислушиваюсь к звукам. Тишина. Боюсь пошевелиться. Оглядываю место, в котором

оказалась. В темноте едва различима старая мебель, покрытая пыльными простынями. Лестница, ведущая на второй этаж, манит, но там господствует ещё более зловещая темнота.

Неожиданно в воздухе раздаётся пугающий шорох возле шкафа. Я пристально всматриваюсь в ту сторону. Ткань, как призрачные тени, накинута на все предметы. Резко поворачиваю влево, но ничего не вижу в этой пугающей темноте.

И тут я ощущаю чье-то присутствие, словно кто-то стоит прямо за мной. Я, мать твою, чувствую, как кто-то принюхивается ко мне!

Нет. Только не оборачиваться. Не смотреть.

Глухие удары собственного сердца оглушают, волосы встают дыбом. В горле застревает крик. Осознание неизбежности усиливает панику. Каждый мой силовый вдох может стать последним. Тишина окутывает, готовясь забрать меня собой.

И я принимаю её. Принимаю с тихим смирением. Закрываю глаза, готовясь быть растерзанной.

Вдруг дверь с грохотом распаивается.

— Астрид, черт возьми! Что было сказано о тёмных заброшенных домах?!

В дверном проеме стоит Снор с пистолетом, направленным прямо на меня. И в следующую секунду он стреляет.

Пуля свистит мимо, и сбоку от меня валится грузное тело, отдаленно напоминающее человека. У меня срабатывает

инстинкт — я не думаю, а срываюсь с места к двери, к единственному спасению. Выбегаю на улицу. Свежий воздух наполняет легкие, в голове лишь одна мысль: укрыться, спрятаться, затаиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.